

Авантурная мелодрама

Литом
ЛЕОНТЬЕВ

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ПО ТАРИФУ

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Звездный час по тарифу

«ЭКСМО»

2005

Леонтьев А. В.

Звездный час по тарифу / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2005

Когда ей исполнится двадцать пять, Ксения Сан-Данато унаследует все состояние своих родителей. Много лет назад они погибли в авиакатастрофе, но обломки самолета по странному стечению обстоятельств обнаружили только сейчас. У экспертов сразу же появились подозрения – катастрофа была подстроена. Ксении удалось выяснить, что в этом замешан кто-то из ее многочисленных дядек и теток. Но если родители погибли по вине алчных родственников, то и сама она в опасности... Почти сто лет назад основательница династии Сан-Данато, Ксения-старшая, нашла в южно-американских джунглях изумрудные россыпи. Построив на этом месте завод, она потревожила индейских духов, и старая колдунья предсказала, что ее семья будет сказочно богата, но это принесет только несчастья... Неужели изумрудное проклятие существует на самом деле?

© Леонтьев А. В., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

1 октября	10
2 октября	28
3 октября	40
8 октября	50
11 октября	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Антон Валерьевич Леонтьев

Звездный час по тарифу

«...Бирюза обозначает радость, сардоникс привлекает серафимов, топаз – херувимов, яспис – державы, хризолит – владения, сапфир – добродетели, опикс – власть, берилл – первенство, рубин – архангелов и изумруд – ангелов...»

Умберто Эко. «Имя розы». Перевод Елены Костюкович

– Ксения Сан-Дonato должна умереть!

– Мне это понятно.

– Вот и отлично! Приступайте к выполнению своих обязанностей. И запомните – никаких осечек!

– Не стоит волноваться – обещаю вам, не пройдет двух недель – и Ксения будет мертва. Газеты в очередной раз сообщат, что проклятие рода Сан-Дonato снова дало о себе знать.

– Мне всегда было известно, что на вас можно положиться!

Ксения ненавидела свой день рождения. Ведь в ту среду, когда ей исполнилось восемь, погибли родители. Этот день навсегда врезался в ее память. Небывалая жара сменилась раскатыстыми грозами и ливнями – в Коста-Бьянку пришел сезон ураганов. Родители должны были прилететь из Венесуэлы, где отец присутствовал на правительственных переговорах по личной просьбе президента. Мама редко сопровождала его, но в тот раз она отправилась в Каракас, чтобы открыть детский приют, выстроенный на пожертвования их семьи.

Они хотели взять с собой Ксению, но в последний момент передумали: девочка расказничалась, она требовала, чтобы родители никуда не уезжали, и гувернантке пришлось приложить невероятные усилия, чтобы успокоить ее. Мама, обняв и прижав к себе Ксению, поцеловала дочь и с улыбкой сказала:

– Мы вернемся завтра утром. Ты ведь знаешь, что завтра за день?

Конечно же, Ксения знала. Она ждала той среды, считая до нее дни. Ей исполнится восемь! Ей удалось узнать от гувернантки, строгой, но милой француженки, что родители готовят ей сюрприз. Она так хотела побывать в цирке – цирке, где публику веселят задорные клоуны, на арене тешат публику дрессированные собачки и смелые акробаты совершают головокружительные трюки под самым куполом.

Она ни разу до этого не была в цирке. Жизнь Ксении отличалась от жизни ее сверстников. Только потом, после гибели родителей, она поняла, что является наследницей огромного состояния и в один прекрасный день станет главой могущественной корпорации. Тогда же ей казалось вполне нормальным, что они обитают в старинном особняке в Эльпараисо или отправляются в джунгли, где располагался небольшой замок, на самолете или вертолете.

У Ксении имелась комната, полная дорогих игрушек, воспитание девочки было доверено гувернанткам – сначала даме с русскими корнями (родители хотели, чтобы их единственная дочь знала язык предков), затем англичанке и француженке. Ксения привыкла, что обедавать приходилось в просторном зале за столом, где им прислуживал расторопный молчаливый дворецкий; она понятия не имела, что у обычных людей нет ничего подобного: ни личного бассейна, где они могли бы плескаться весь день напролет, ни собственного кинотеатра, где демонстрировались все новинки мирового кинематографа, ни гардеробной комнаты, забитой нарядами.

Ксения не понимала, почему родители не разрешали ей отправиться в цирк. Она умоляла их, требовала и под конец пустила в ход проверенное средство – слезы. Но даже это не помогло.

И вот гувернантка под страшным секретом сообщила ей, что мама и папа пригласили цирк к ним домой!

Она никак не могла дождаться того дня. Ксении казалось, что еще ни разу она не ожидала собственного дня рождения с таким нетерпением. Поэтому и поездке родителей в Венесуэлу она не придавала большого значения. Ксения уже привыкла к тому, что ее отца часто показывают по телевидению, а фотографии ее мамы регулярно появляются в светских журналах.

Утром, после того как Ксения проснулась и позавтракала (в порядке исключения ей разрешили не спускаться в столовую, а гувернантка принесла ей завтрак – кусок кремового торта и чашку какао в спальню), позвонили родители. Мама сказала ей, что, когда они вернутся в Коста-Бьянку, дочь ожидает сюрприз.

– Ты давно этого хотела, Ксения, – услышала девочка в телефонной трубке ласковый голос. – К нам приедет цирк!

Значит, это правда! Мама добавила, что они вылетят из Каракаса через полчаса, то есть через три часа они прибудут в Эльпараисо. Всего три часа, и тогда начнется ее праздник!

Три часа пролетели незаметно, и Ксения ждала, что вот-вот откроется дверь и на пороге покажутся родители – седеющий отец и элегантная мама. Девочка была в своей комнате и читала «Алису в Стране чудес». То и дело Ксения посматривала в окно – погода внезапно испортилась, как это часто бывает в Эльпараисо, когда наступает сезон дождей. Им повезло, что столица располагается на побережье, до нее доносились лишь отголоски того урагана, который бушевал над джунглями.

Несколько раз в детскую заглядывала гувернантка, и Ксения бросалась к ней с вопросам о том, не прилетели ли родители. От аэропорта корпорации до их эльпараисского особняка было не больше четверти часа на машине. Гувернантка качала головой и заявляла, что самолет вот-вот сядет: из-за плохой погоды связь с ним прервалась.

Ксения, облаченная в легкое бальное платье, которое было сшито специально к ее дню рождения, предвкушала предстоящий праздник. Она знала, что циркачи уже прибыли, они расположились в зале для приемов. Гувернантка сообщила, что приехали и родственники: дядя Николас, брат отца, и его супруга тетя Ингрид с Рудольфом, их капризным и избалованным сыночком, кузенком Ксении. Ксения не любила Рудольфа, тот обожал демонстрировать силу и часто намеренно обижал свою двоюродную сестру. Потом приехала эксцентричная тетя Агата, папина сестра, со своей дочуркой Эрикой. Ксения завидовала Эрике – ее мама была художницей, и они жили в большой квартире, заставленной незаконченными шедеврами, творцом которых была тетя Агата.

В комнату к девочке проникла Эрика – такая же взбалмошная и растрепанная, как и ее матушка. Кузина нравилась Ксении, и они живо принялись обсуждать то, что их ждет во время циркового представления.

– Так когда же прилетят твои родители? – спросила Эрика. Она была на два месяца младше Ксении.

Ксения взглянула на часы. Мама никогда не нарушала своих обещаний. Стрелки показывали половину второго, прошло уже больше пяти часов, а самолет с родителями все еще не приземлился.

О том, что произошло нечто непредвиденное, Ксения стала подозревать через час. Дверь в детскую приоткрылась, возникла тетя Агата – в платье, больше похожем на цветастый балахон, с орхидеями в волосах и массой колышающихся амулетов вокруг шеи.

– Эрика, выйди на минутку, прошу тебя, – промурлыкала тетка.

Ксения спросила, не совершил ли посадку самолет с родителями. Этот невинный вопрос испугал тетю Агату. Она в страхе посмотрела на племянницу и, пробормотав что-то невразумительное, закрыла дверь.

– Я сейчас вернусь, – сказала Эрика и вышла из комнаты. Больше в тот день Ксения кухню не видела. Несколько минут спустя Ксения распахнула дверь и выглянула в коридор – она заметила двух служанок, которые о чем-то перешептывались. Девушки, как по команде, замолкли, когда увидели юную госпожу.

Ксения спустилась на первый этаж – в малой гостиной она застала нервную тетю Агату, которая пила кофе, дядю Николаса и тетю Ингрид.

– Дорогая моя девочка! – воскликнула тетя Ингрид и всплеснула руками. Ксения знала: если тетка так ведет себя, значит, что-то случилось. Ее супруг пускал сизые клубы дыма из трубки и прихлебывал коньяк.

– Где мои родители? – произнесла Ксения. – Это что, такой сюрприз? Они должны давно быть дома!

Тетя Ингрид попыталась обнять племянницу, но Ксения отшатнулась. Дядя Николас кашлянул и произнес:

– Поверь нам, Ксения, мы тоже обеспокоены тем... тем, что самолет с твоими родителями все еще не приземлился. Из-за неблагоприятных погодных условий связь с ним прервалась, когда они вошли в грозовую фронт. Я только что говорил с Каракасом, они вылетели пять с половиной часов назад.

Ксения не слушала дядьку. Тот умел доступно объяснять любые вещи, но Ксении было не до этого. Она чувствовала: случилось непредвиденное, и ее родственники стараются скрыть от нее правду.

– Ксения, родители приготовили тебе сюрприз, – заявила тетя Ингрид. – Чудесное цирковое представление, специально для тебя! Рудольф, проводи кухню в зал для приемов!

Неловкий светловолосый мальчик, двоюродный брат Ксении, поднялся из глубокого кресла. Ксения прошептала:

– Я не хочу никакого цирка! Скажите мне, где мои родители!

Тетя Агата бросилась к племяннице, бормоча что-то утешительное и внося в сложившуюся ситуацию еще больше неразберихи.

Дядя Николас поставил бокал с коньяком на стол и, смотря Ксении прямо в глаза, произнес:

– Ты меня знаешь, Ксения, я предпочитаю горькую правду сладкой лжи. Тебе сегодня исполнилось восемь лет, и ты достаточно большая для того, чтобы с тобой говорили, как со взрослой. Мы все очень обеспокоены тем, отчего самолет с твоими родителями все еще не в столице. Не исключено, что он из-за тайфуна был вынужден совершить аварийную посадку где-нибудь в труднодоступном районе джунглей. Вероятнее всего, именно так и произошло. Они не могут связаться с нами, но их найдут.

И тут хлынул ливень. По окнам малой гостиной забарабанили капли, которые сменились хлесткими гремящими струями. Внезапно потемнело, тетя Агата велела прислуге зажечь свет.

– С ними все будет в порядке, – добавила тетя Ингрид. Когда она волновалась, то сбивалась на родной шведский, и Ксения не могла понять, что же именно тетка хочет сказать. Тетя Агата подошла к девочке и поцеловала ее.

– А теперь отправляйся в зал для приемов, – распорядился дядя Николас.

Ксения попыталась возразить, но дядька, сурово взглянув на нее, заявил:

– Ксения, с твоими родителями все в порядке. Они хотели сделать тебе сюрприз, и ты не имеешь права разочаровывать их. Уверен, что еще до того, как представление закончится, они вернутся в Эльпараисо!

Слова дяди Николаса оказали на Ксению магическое воздействие. Она отчего-то уверилась, что, когда представление подойдет к концу, она вернется в гостиную, где услышит мелодичный смех мамы и низкий голос отца.

Представление, которое дали циркачи, было чарующим. Ксения забыла о том, что ее волновало.

В гостиной она застала тетю Ингрид и тетю Агату. Когда девочка вошла, обе женщины смолкли. Ксении показалось, что она расслышала слова: «Безнадежная ситуация» и «Так жаль Ксению».

Ксении не потребовалось ничего и спрашивать, чтобы понять: самолет с родителями так и не нашелся. Как из-под земли возникла гувернантка. Тетя Агата попросила ее отвести Ксению в детскую.

– Я не хочу! – крикнула та и топнула ногой. – Скажите мне, где мама и папа!

Гувернантке потребовалось приложить невероятные усилия, чтобы заставить девочку покинуть гостиную. Ксения расплакалась, но гувернантка была неумолима.

– Я расскажу маме, как вы со мной обращаетесь! – крикнула Ксения, когда гувернантка, распахнув дверь детской, бесцеремонно втокнула внутрь девочку. Щелкнул замок, и Ксения поняла, что ее заперли.

Она попробовала барабанить в дверь, но это не помогло. Никто не откликнулся на ее крики, никто не обращал внимания на угрозы и не поддавался на просьбы. Надо же такому случиться – в собственный день рождения быть закрытой на ключ в комнате!

Она уснула в кресле и пришла в себя от того, что дверь, скрипнув, отворилась. Ксения, уверенная, что это родители, бросилась к порогу. Но вместо отца или мамы она увидела ненавистную гувернантку, которая держала в руках поднос.

– Где мои родители? – произнесла Ксения. – Что с ними?

Гувернантка, поставив поднос на столик, ответила ровным голосом:

– Ксения, вам необходимо поужинать.

– Я хочу знать, где мои родители! Прошу вас, скажите мне!

Гувернантка, делая вид, что ничего не понимает, выскользнула прочь и заперла комнату. Ксения так и не притронулась к еде. Ей стало очень страшно. Ливень за окном перерос в настоящую бурю. А над джунглями бушует тайфун. И самолет ее родителей попал в самый его эпицентр.

Ксения приложила ухо к замочной скважине. До нее доносились отдаленные голоса гувернантки и одной из служанок:

– Бедная девочка... Еще бы, такой шок... Но что я могу ей сказать? Мне велели ничего ей не сообщать... Но сомнений нет... С момента вылета из Каракаса прошло десять часов... Им потребовалось бы самое большее часа три с половиной, чтобы добраться до Эльпараисо... Я слышала, что топлива хватит только на шесть часов... А это значит...

– Ах, неужели с хозяевами что-то случилось? Я буду за них молиться! Их должны найти! Я не верю, что с самолетом что-то произошло! Они совершили аварийную посадку в джунглях. И несчастная Ксения – пережить такое в день рождения!

Ксения заплакала. Она не могла остановить слезы, рыдания душили ее. Почему о ее родителях говорят так, как будто надежды больше нет? Пусть все окажется дурным сном: стоит ей открыть глаза, и наваждение сгинет.

Девочке опять сделалось страшно. Мерцал ночник, в комнате царил полутьма. Ксения забралась на кровать и зажмурилась. Иногда ей казалось, что в комнате обитает чудовище, она слышала его вздохи и стоны. Отец говорил, что это – глупые страхи и чудовищ не бывает, но в тот день Ксения не знала, чему ей верить.

Когда она проснулась, в глаза ей ударило яркое солнце. Наступило утро, погода переменилась, гроза закончилась. Дверь открылась, возник дядя Николас. Он был все в том же костюме, что и накануне. Судя по всему, он так и не ложился спать.

– Доброе утро, Ксения, – произнес он. Девочка бросилась к нему:

– Дядя, что с моими родителями? Вы нашли их?

Дядя Николас нахмурился и ответил:

– Я же просил прислугу не посвящать тебя во все подробности... Ксения, мы исходим из того, что самолет твоих родителей... исчез.

Девочка зажмурилась. В фильмах или книгах, если самолет исчезал, то есть терпел крушение над джунглями, главные герои непременно выживали. А ее мама и папа были, вне всяких сомнений, главными героями. С ними ничего плохого не случится!

– К поискам твоих родителей подключилось Министерство внутренних дел, – продолжал дядя Николас. – Обещаю тебе, что в ближайшие часы их самолет будет найден и они окажутся снова вместе с нами!

Ксения отчего-то не верила дяде. Он вещал ненатуральным бодрым тоном и старался не смотреть ей в глаза.

– Тебе лучше всего находиться в своей комнате, – тоном, не терпящим возражений, заявил дядя Николас. – Когда мы узнаем что-нибудь новое, то немедленно сообщим тебе.

Он вышел прочь, и в двери шелкнул замок. Ксения уселась на кровать. Как бы ей хотелось, чтобы ее день рождения никогда не наступал! Чтобы родителям не потребовалось лететь в Венесуэлу, чтобы она не осталась одна в Эльпараисо.

Они вернуться, она это знала. Стоит набраться терпения, и родителей найдут – конечно же, живых и невредимых. По-другому и быть не может.

В глубине души Ксения, боясь признаться самой себе, уже не верила, что все будет именно так.

1 октября

– Сеньора Сан-Донато ожидает вас. – Вышколенный дворецкий повел Феликса за собой. Вот как живет, оказывается, наследница самой крупной изумрудной корпорации в мире! Ксения Сан-Донато обитала в огромном особняке в самом центре столицы небольшого южно-американского государства Коста-Бьянка. И он специально прилетел из Москвы, чтобы взять у нее интервью.

Его нельзя было удивить роскошью или богатством – Феликсу доводилось бывать во дворцах, принадлежащих новоиспеченным русским миллиардерам. По сравнению с обиталищами многих из них особняк Ксении Сан-Донато, самой богатой женщины Южной Америки, чье состояние, согласно последним данным журнала «Форбс», приближается к семи миллиардам долларов, представлял собой скромный домик для гостей или охотничье бунгало. Три этажа, двадцать восемь комнат, два бассейна и вертолетная площадка.

Интерьер особняка Ксении Сан-Донато был сдержанным: обстановка в стиле позднего классицизма, несколько картин (семейство Сан-Донато коллекционировало импрессионистов), никакой бьющей в глаза роскоши.

Чтобы получить аудиенцию у самой богатой наследницы Коста-Бьянки, ему потребовалось приложить немалые усилия. Незадолго до двадцать пятого дня рождения Ксении многие журналы и телеканалы хотели бы побывать у нее дома и получить эксклюзивное интервью. Еще бы, всего через несколько недель Ксения официально станет главой самой могущественной изумрудной корпорации и в соответствии с завещанием ее погибших много лет назад родителей получит полный контроль над миллиардным состоянием.

Ему повезло: пресс-служба Ксении Сан-Донато дала согласие на встречу с наследницей. Не последнюю роль сыграло и то, что он – представитель далекой России, той самой страны, откуда в конце девятнадцатого века в экзотическую Коста-Бьянку прибыла юная Ксения Самдевятова, основавшая изумрудную корпорацию. Труднопроизносимая для костабьянцев фамилия «Самдевятова» претерпела изменения и превратилась в более привычную Сан-Донато. И нынешняя Ксения, правнучка той самой первой Ксении, согласилась встретиться с московским журналистом.

Дворецкий замер перед массивной дверью и, осторожно постучав и услышав голос хозяйки, ступил в кабинет Ксении.

– Сеньора, прибыл господин Разумовский.

– Рауль, он может войти!

Посторонившись, дворецкий пропустил Феликса в святая святых. Журналист изучил массу статей о Ксении. Ее называли не только самой богатой наследницей Южной Америки, но и самой красивой. И это, как он мог судить, не было преувеличением.

Ксения Сан-Донато поднялась из-за старинного стола и вышла навстречу гостю. На ней был белый брючный костюм, темные волосы забраны в аскетичный пучок, на лице – минимум косметики, но она Ксении и не требовалась.

Наследница протянула журналисту руку; Феликс залюбовался ее бездонными зелеными глазами.

– Рада с вами познакомиться, – произнесла Ксения по-русски с легким грациозным акцентом. – Господин Разумовский, почувствуйте себя как дома!

Она указала журналисту на глубокое кожаное кресло, а сама вернулась к столу.

– Сеньора Сан-Донато, – произнес журналист, – во-первых, разрешите поблагодарить вас за то, что вы согласились встретиться со мной и ответить на мои вопросы. Читателям нашего журнала, одного из крупнейших в России, будет небезынтересно познакомиться с вами и историей вашей семьи!

– Мне еще не доводилось бывать в России, – сказала Ксения, – но в ближайшие месяцы я намерена наверстать упущенное. После того, как я официально буду утверждена в должности президента корпорации, я намерена отправиться в Москву. Ваше правительство хочет обсудить детали возможного участия концерна Сан-Дonato в финансировании проекта по освоению новых алмазных месторождений в труднодоступных районах Юго-Восточной Сибири.

– Значит, вскоре нам представится уникальная возможность встретиться с вами в русской столице, – улыбнулся Феликс.

Она понравилась ему. В ней чувствовалась порода. Он не знал, сколько в мире женщин, которые в возрасте неполных двадцати пяти лет стоят у руля крупного семейного предприятия. И так, Ксения Сан-Дonato закончила Эльпараисский университет, стажировалась в США, Великобритании и Франции. Молодая красавица, которая не тратит свою жизнь на бесконечные вечеринки, однообразные приемы и сомнительные развлечения. Молодая красавица, которая часто появляется в гламурных журналах или в репортажах светской хроники, причем никогда в качестве персонажа скандала. Молодая красавица, которая намеревается выйти замуж за отпрыска богатого греческого семейства, владеющего танкерной флотилией.

– Не исключено: на данный момент моему пресс-секретарю поступило две или три дюжины заявок на интервью со мной во время поездки в вашу столицу, – ответила Ксения Сан-Дonato.

Она взглянула на часы, и Феликс понял – наследница миллиардов не намерена тратить на него больше согласованных тридцати минут.

– Сеньора Сан-Дonato, – начал журналист, – каково вам ощущать себя в роли одной из самых богатых женщин в мире?

Ксения подумала, что отдала бы все свои деньги и власть за то, чтобы ее родители остались в живых.

– Скажу честно, я привыкла к этому, – ответила она. – Многие уверены, что деньги дают свободу. К сожалению, в моем случае это не так. Ведь будь я обыкновенной девицей двадцати пяти лет от роду, выпускницей экономического факультета университета, только что начинающей карьеру в крупной корпорации, вы вряд ли бы захотели получить у меня интервью, господин Разумовский?

– Согласен, – подхватил журналист, – а как вы относитесь к тому, что в начале этого года единогласно были признаны самой элегантной и стильной женщиной Коста-Бьянки?

Ксении не было дела до шумихи вокруг ее имени в газетах.

– Мне льстит признание моих заслуг, – парировала она.

– Сеньора Сан-Дonato, поведайте нашим читателям о своем семействе.

Ксения едва сдержала вздох разочарования. В который раз ей приходится пересказывать одно и то же. Причем версия для прессы значительно отличалась от реального положения вещей.

– Самолет моих родителей исчез во время грозы над джунглями почти семнадцать лет назад, – произнесла ровным голосом Ксения. – Это была настоящая трагедия. И без поддержки моих родственников я бы ни за что не смогла справиться с шоком, который пережила в те дни. У моего отца, Максимилиана Сан-Дonato, имеются два брата – Николас и Лукас – и две сестры – Агата и Сильвия. Еще один брат моего отца, Габриэль, погиб много лет назад в автомобильной катастрофе. Кроме того, у меня есть кузен, сын дяди Николаса и тети Ингрид, Рудольф, и кузина Эрика, дочка тети Агаты.

Журналист что-то быстро записывал в большой блокнот. Когда Ксения замолчала, он произнес:

– Говорят, что на вашем роду лежит проклятие, своего рода плата за успех и богатство: в вашей семье произошло очень большое количество неестественных смертей, катастроф и несчастных случаев. Как мы знаем, самолет с вашими родителями исчез над джунглями сем-

надцать лет назад, и, несмотря на усиленные поиски, он так и не был обнаружен, что породило массу легенд...

– Например, что мои родители были похищены пришельцами? Или украдены мафией и после выплаты огромного выкупа убиты, что было скрыто нашей семьей от общественности? – заметила Ксения. Ее тон был веселым, но журналист почувствовал легкое раздражение.

– Хотя бы это, – вставил Разумовский. – Или взять так до конца и не выясненную гибель вашего деда Алекса-Стефана. А основательница изумрудной корпорации, ваша тезка Ксения, говорят, тоже умерла не своей смертью...

Ксении стоило больших усилий сдержаться. И как она могла поверить, что журналиста из далекой Москвы будут интересовать не старые сплетни и мифы. Хуже всего, что очень многие из этих историй имели место в действительности.

– Вы хотите узнать историю моей семьи? – спросила Ксения и поднялась из-за стола. Она подошла к стене, обшитой дубовыми панелями. Незаметное движение – и часть стены отъехала вбок, открыв проход в смежную комнату. – Господин Разумовский, вам повезло, вы первый из представителей средств массовой информации, который сможет попасть в семейный музей, – сказала Ксения и поманила за собой раскрывшего рот от изумления журналиста. – Строительство этого особняка было начато в 1901 году, – продолжала Ксения. – Моя прабабка Ксения сама спроектировала этот дом, поверьте мне, в нем предостаточно потайных комнат и хитроумных ловушек.

Они оказались в круглой комнате, на стенах которой висели портреты, а под ними виднелись стеклянные стенды.

– Здесь хранятся наши семейные реликвии, – сказала молодая наследница. Она указала на один из стендов, под стеклом которого тускло мерцали мелкие зеленые камни. – Это изумруды, которые нашла моя прабабка Ксения в тот памятный день 13 сентября 1896 года. Собственно, с этого и началось восхождение нашего семейства к вершинам славы и богатства.

Разумовский склонился над экспонатом.

– Они больше похожи на осколки бутылочного стекла, – признался журналист.

– А это, – Ксения держала в руке выцветший и пожелтевший лист бумаги, – тот самый знаменитый чек на пять миллионов, который выписала моя прабабка в кризисный 1908 год, – говорила Ксения. – Благодаря ему она стала полновластной владелицей корпорации, которая до сих пор находится в руках нашего семейства. Или, к примеру, револьвер, который спас моей прабабке жизнь, когда она подверглась нападению бандитов, – вещала юная миллиардерша.

– Подозреваю, что вы не позволите мне сделать фотографии этих потрясающих экспонатов, – произнес журналист.

Ксения покачала головой:

– Таково семейное правило – вообще-то вы не имели права находиться в этой потайной комнате, сюда имеют доступ только члены нашего рода.

Разумовский указал на один из портретов:

– Это, насколько я могу судить, и есть ваша знаменитая тезка Ксения, основательница изумрудной империи?

– Вы правы, – ответила правнучка.

С писанного маслом портрета на них смотрела молодая женщина, до чрезвычайности похожая на молодую Ксению. Прабабка молодой миллиардерши была облачена в черное шелковое платье, а вокруг тонкой шеи вились жемчуга.

– А это – портрет моего деда Алекса-Стефана и бабушки Марлены, и моих родителей Максимилиана и Веры... – говорила Ксения.

Разумовский в задумчивости посмотрел на женщин рода Сан-Донато. Что-то не давало ему покоя, и он, наконец, понял, что именно.

– Скажите, сеньора Сан-Донато, отчего ни одна из представительниц прекрасного пола вашего семейства, начиная с вашей замечательной прабабки и заканчивая вами, не носит изумруды? Ведь было бы вполне естественно, что этот камень, сделавший ваш род столь богатым, должен быть любимым женщинами и мужчинами по фамилии Сан-Донато.

Ксения на секунду замерла. Нет, он не может ничего знать об этом!

– Ах, это не более чем случайность, – ответила она. – Мой любимый камень – сапфир.

– А говорят, что это из-за некоей темной истории, то ли проклятия, то ли кровавой трагедии, которая сделала изумруд роком вашей семьи. Из-за этой истории вы обретете все сокровища мира, но подвергнете себя невероятной опасности...

– Какая чушь! – воскликнула Ксения, и Разумовский понял, что попал в цель. Молодая наследница вздрогнула, и на секунду в ее глазах мелькнул страх.

– А ваша матушка, как опять же говорят, в день своего исчезновения в первый раз надела изумруды. Во всяком случае, на старой фотографии, которая запечатлела Веру Сан-Донато во время открытия детского приюта в Каракасе за несколько часов до вылета в Эльпараисо, куда ни она, ни ваш отец так и не прибыли, можно увидеть, что шею вашей матушки украшают именно изумруды...

Ксения похолодела. Вырезка из старой газеты хранилась в сейфе, куда никто, кроме нее самой, не имел доступа. Журналист прав – мама в тот день надела изумруды – причем те самые камни, которые были найдены на одном из рудников их корпорации. Ксения часами смотрела на эту фотографию, с которой ей улыбались мама и отец. Те слова, услышанные ее прабабкой больше ста лет назад, – неужели они оказались пророческими?

– Ах, это все предрассудки и досужие домыслы! – вспыхнула Ксения. Не хватало еще, чтобы этот бесцеремонный русский журналист совал нос в семейные тайны. – Уверю вас, что это не более чем совпадение! Нет никакой истории с проклятием и быть не может! И мне не известно ничего подобного!

Она говорила неправду. Ее прабабка Ксения оставила записи о том, как все начиналось. И там была история о проклятии, связанном с изумрудами. Но Феликсу Разумовскому необязательно знать об этом.

Осмотр семейного музея завершился. Оставалось пять минут, в течение которых пронырливый писака успел задать еще несколько вопросов.

– Сеньора Сан-Донато, а вы не боитесь семейного проклятия? – спросил он, и в его темных глазах сверкнул огонь любопытства. – Ведь если проследить историю вашего рода, то можно убедиться: тот, кто считался главой клана, а вас можно причислить к подобным персонам, не умирал естественной смертью – ни ваша прабабка, ни ваш дед, ни ваш отец...

Ксения натужно рассмеялась. Иногда она думала о том, что семейное проклятие – это не выдумки. А если так, то оно рано или поздно проявит себя.

– Я не суеверна, – ответила она дерзко, и журналист подумал, что Ксения Сан-Донато – самая привлекательная и смелая женщина из тех, кого ему приходилось встречать. – Я не боюсь судьбы, и даже если на секунду предположить, что проклятие существует, хотя уверяю вас, что это не так, то в отношении меня все злые чары бессильны. Можете так и написать в своем репортаже! Я не боюсь судьбы!

– Последний вопрос, сеньора Сан-Донато: когда состоится ваше бракосочетание с Андреасом? Говорят, что это станет свадьбой года!

Ксения рассмеялась. Она взглянула на часы – тридцать минут истекли.

– В мои правила не входит распространяться о личной жизни, господин Разумовский, – ответила она. – Но для русских читателей я, так и быть, сделаю исключение. Вы правы – я очень счастлива, и моя свадьба состоится в конце этого года.

– Значит, вы не боитесь рока? – произнес со странной улыбкой журналист. – Не опасаетесь, что ему может не понравиться ваша молодость, богатство и постоянный успех, который сопутствует вам? Не страшитесь судьбы ваших предков?

– Господин Разумовский, вы же сказали, что предыдущий вопрос – это последний, – преврала его с холодной улыбкой Ксения. Она протянула журналисту руку. – Была рада познакомиться с вами. К сожалению, у меня великое множество дел. Если вам требуются фотографии, свяжитесь с моей пресс-службой. Всего хорошего!

Феликс Разумовский настойчиво повторил свой вопрос:

– Но все же, сеньора Сан-Дonato, не опасаетесь ли вы, что ваше благополучие в любую секунду может исчезнуть? Ведь богатство, власть и счастье – не более чем иллюзия.

– Ах, я не боюсь мести коварной фортуны, – заверила его Ксения. – И если на то пошло, то я бросаю ей вызов. Да, да, можете так и озаглавить свою статью: «Ксения Сан-Дonato бросает вызов судьбе». Я никому не позволю вмешиваться в мою личную жизнь, будь то человек или провидение.

Разумовский, замерев на пороге, проронил:

– Но иногда, сеньора Сан-Дonato, случаются события, которые полностью изменяют наше представление о реальности. События, которые мы не в состоянии изменить. Обстоятельства страшные, которые нельзя предвидеть. И фортуна, насколько мне известно, а поверьте, мне пришлось повидать кое-что в жизни, не любит, когда ей бросают вызов.

– Вы так считаете? – Ксения Сан-Дonato сузила глаза и упрямо выпятила подбородок. – Я не боюсь повторить – я бросаю вызов судьбе! Я знаю, что моему счастью ничто и никто не помешает! Прощайте, господин Разумовский!

Журналист распахнул дверь и столкнулся нос к носу с дворецким, который полчаса назад привел его в кабинет Ксении Сан-Дonato. Неужели этот тип ждал тут все время? Феликс последовал за дворецким, который, проводив его к выходу, пожелал ему хорошего дня.

Разумовский покинул особняк Ксении Сан-Дonato. Миновав витую ограду, он обернулся – ему показалось, что портьеры в одной из комнат колыхнулись и фигура, облаченная во все белое, отпрянула от окна. Молодая наследница наблюдает за ним? Или это была не Ксения-младшая, а ее прабабка, легендарная Ксения-старшая. Но что за чушь, та умерла много лет назад!

Он не боялся призраков и потусторонних сил, потому что знал – если они и существуют, то не смогут причинить ему вреда. Он получил то, что хотел. Интервью выйдет превосходным. И все же... Ксения Сан-Дonato исходила из того, что они никогда больше не увидятся. Он же был другого мнения.

Автомобиль ждал его на одной из соседних улиц. Феликс Разумовский швырнул блокнот с записями на заднее сиденье. В его профессии одна из заповедей – никогда не проникаться сочувствием по отношению к тем, у кого он брал интервью. Потому что тогда он утратит холодную голову, а это может привести к непредсказуемым результатам.

И все же она нравилась ему. Ксения Сан-Дonato была уверена, что ничто не помешает ей стать счастливой. Еще бы – через несколько недель она официально получит миллиардное состояние, а в конце года состоится помпезная свадьба с сыном греческих владельцев танкерного флота.

Разумовский знал: судьба бывает коварной и предпочитает наносить удар в тот момент, когда ты менее всего ожидаешь этого. Ему приходилось несколько раз сталкиваться с подобными прихотями капризной старухи. И каждый раз это едва не заканчивалось для него трагически.

Шестое чувство подсказывало ему – Ксению Сан-Дonato в ближайшее время ожидает не легкая праздная жизнь, полная неги, а нечто иное. Она не хочет признаться самой себе, что

боится. Он прочел страх в ее глазах, когда задал ей вопрос о семейном проклятии. Это значит, что Ксения верит в него.

Журналист отправился в небольшой отель, где снимал одноместный номер. Он узнал все, что хотел. Следуя совету молодой миллиардерши, он свяжется с пресс-службой корпорации Сан-Дonato. Ему потребуется несколько дней, чтобы написать интересное интервью. Ксения уверена, что в конце года, уже замужней дамой, нанесет визит в Москву. Но ведь все может произойти, и не исключено, что ее планам не суждено исполниться.

Судьба, как знал журналист, не любит тех, кто бросает ей вызов. А Ксения Сан-Дonato только что сделала это.

Ксения попыталась сконцентрироваться и в который раз перечитала первые строчки меморандума, представленного ей одним из вице-президентов корпорации. Речь шла о новом месторождении высококачественных изумрудов, обнаруженном в горах.

Она отложила бумаги и подошла к окну. С последнего этажа башни Сан-Дonato, как окрестили стрелу небоскреба из темно-зеленого стекла, открывался потрясающий вид на город и океан.

Неужели русский журналист прав и с судьбой нельзя шутить? Значит ли это, что ей предстоит столкнуться лицом к лицу с некой таинственной силой, которую ее прабабка Ксения именовала «семейным проклятием». Родители, насколько Ксения помнила, никогда не говорили об этом. Хотя отец как-то обмолвился, что его бабка, Ксения-старшая, заплатила за право обладания богатством и могуществом слишком большую цену. Тогда Ксения не спросила его, что это значит, а теперь было слишком поздно. В записях прабабки есть непонятные смутные намеки на некое преступление, которое она совершила в юности. И преступление это связано самым непосредственным образом с изумрудами – камнями, которые дали их семье все, о чем можно только мечтать.

Ксения помнила наизусть статью из столичной газеты пятидесятилетней давности – вырезка хранилась в фамильном музее: *«Вчера, 27 мая 1959 года, в почтенном возрасте восьмидесяти трех лет скончалась Ксения Сан-Дonato, основательница и глава одноименного концерна. Ее тело было обнаружено в саду ее особняка в кресле-качалке. Согласно заключению врачей, сеньора Сан-Дonato, которую считают самой богатой женщиной Южной Америки и одной из самых состоятельных особ в мире, стала жертвой сердечного приступа, который, по всей видимости, застиг ее во время послеобеденного сна или в момент пробуждения. Однако утверждают и иное – Ксения, как и два ее мужа и единственный сын Алекс-Стефан, пала жертвой «изумрудного проклятия». По словам одного из слуг, имя которого мы не можем назвать по известным причинам, лицо покойной было искажено гримасой небывалого ужаса, а на одежде обнаружались странные черные волоски. Не исключено, что Ксения Сан-Дonato была внезапно разбужена атакой неизвестного животного, что и повлекло за собой трагическую развязку...»*

Ксения знала: женщинам из рода Сан-Дonato нельзя носить изумруды. Эти камни, благодаря которым они вошли в когорту богатых и знаменитых, являются для них табу. Ее прабабка в своем завещании специально оговорила этот пункт – никто из родственников и ни при каких обстоятельствах не должен надевать изумруды, в особенности если они были добыты на шахтах, принадлежащих их семье. Ксения-старшая не углублялась в разъяснения, это был ее наказ потомкам, который требовалось неукоснительно соблюдать. Прабабушка в последние годы жизни стала чудачить и вроде бы помутилась рассудком. И кто знает, чем является в действительности это положение завещания – предупреждением о грозящей опасности или идеей фикс пожилой дамы.

Ни один из тех, кто считался главой их семейства, не умер естественной смертью. Отец с мамой пропали без вести, и Ксения в течение долгих лет питала слабую надежду, что они

вернутся в Эльпараисо – живыми и невредимыми. Она знала, как иллюзорна подобная мысль. Эксперты, которые анализировали причины авиакатастрофы (а сомневаться не приходилось – в день восьмого дня рождения Ксении ее родители погибли), единодушно склонялись к выводу, что из-за неблагоприятных погодных условий мама и отец не смогли достичь столицы и нашли смерть вдали от родного дома.

В самолет могла ударить молния, могли отказать приборы, или пилот не справился с управлением, хотя он был одним из лучших в стране, на Сан-Донато работали только суперпрофессионалы. Ксения помнила досье пилота наизусть – Родриго Лопес, тридцать восемь лет, раньше служил в Военно-морских силах республики Коста-Бьянка, майор в отставке, воздушный ас, летал на истребителе, затем пять лет служил в авиакомпании «Costa Bianca Airlines» и работал на правительство, управляя президентским самолетом. Отец не жалел денег, когда речь шла о том, чтобы заполучить гениального инженера, удачливого менеджера или, как в этом случае, легендарного пилота.

Она помнила Родриго – высокий лысеющий весельчак с военной выправкой. Он не раз попадал в экстремальные ситуации, и каждый раз ему удавалось выходить из переделок без единой царапины. Его психологический тест свидетельствовал: Лопес никогда не будет рисковать, если ситуация не вынуждает к этому; и если бы погодные условия были неблагоприятными, он бы ни за что не поднял самолет с ее родителями в воздух.

Ксения обратилась в Центральное метеорологическое агентство Коста-Бьянки, и ей предоставили детальную сводку погоды за ту неделю, когда пропал самолет. В столице бушевала буря, но она была не особенно сильной, над джунглями, где пролегла воздушная трасса Каракас—Эльпараисо, лил дождь, но это не могло привести к катастрофе!

Родриго Лопес справлялся и не с такими ситуациями, однажды он пересекал Бермудский треугольник и, как сказано в секретном отчете Военно-морских сил, раздобыть который Ксении стоило большого труда даже с учетом ее влияния, попал в странный туман. Приборы словно сошли с ума, крутились во все стороны, один двигатель отказал, и самое страшное, как потом на допросе показывал Лопес, на какое-то время он не мог понять, в какой стороне находится океан. Серая мгла окружала его со всех сторон, она вползла в кабину и не только дезориентировала, но и вызвала внезапную атаку беспричинного страха. Родриго думал, что его постигнет судьба многих других несчастных, кто оказался в роковой час в этом странном месте, – самолет, потеряв управление, рухнет в океан.

Туман рассеялся так же внезапно, как и появился. Снова засияло солнце, приборы заработали, и Родриго с ужасом увидел, что до блестящей поверхности океана не более двухсот метров, хотя до этого он находился на высоте семи километров. В самый последний момент ему удалось выйти из мертвой петли, и это происшествие послужило причиной того, что он принял предложение авиакомпании и уволился из армии.

И даже в подобной ситуации, когда все обстоятельства были против него и кто знает, что именно поджидало Родриго – бездонный океан или иное измерение, – он не потерял головы и сумел найти выход из кризиса.

Так почему же Родриго, как уверяют эксперты, не справился с управлением во время перелета из Венесуэлы в Коста-Бьянку? Родители тоже не были склонны к риску, и они бы никогда не заставили пилота отправиться в рейс, если бы знали, что погода неблагоприятна.

Ксения понимала, что ее желание отыскать истину превратилось в манию. Сначала она не хотела верить, что ее родители погибли, хотя все родственники, кто утешающим тоном, а кто и с легкой улыбкой, говорили, что надежды не осталось. Адвокатская фирма, которая представляла частные интересы Максимилиана и Веры Сан-Донато, огласила бумагу, которую мама и отец оставили на подобный случай. Ксения не могла поверить, что они каким-то непостижимым образом предвидели свою гибель. Юристы уверяли ее, что это не так, и бумага была составлена сразу же после появления на свет самой Ксении, и в ее содержании нет ничего про-

роческого или необычайного. И все же Ксения не могла отделаться от мысли, что родители были готовы к подобной трагической развязке. Тогда-то она и подумала, что семейное проклятие, которое, казалось, сгнуло вместе с гибелью ее дяди Габриэля, снова пробудилось к жизни.

Она помнила тот душный день: с момента исчезновения самолета с родителями прошло двенадцать суток. Спасательные работы, в которых принимали участие представители армии (ее отец был другом президента – вне зависимости от того, кто именно занимал эту должность и какой по счету переворот или путч случался в столице), были завершены. Средства массовой информации, которые в течение почти двух недель только и сообщали, что об исчезновении самой могущественной пары страны, уже не вели речь о том, что Максимилиан и Вера Сан-Дonato могли остаться в живых. Сначала никто не решался сказать, что они погибли, выходили репортажи и газетные статьи, в которых описывались реальные случаи – люди выживали в джунглях в течение многих месяцев. Наконец кто-то первым намекнул, что чета Сан-Дonato погибла.

Поэтому дядя Николас и настоял на том, чтобы адвокаты родителей прибыли в эльпари-исский особняк и привезли с собой конверт с сургучной печатью, вскрыть который требовалось в случае непредвиденных обстоятельств. Законники сочли, что исчезновение самолета с их клиентами подпадает под категорию «непредвиденные обстоятельства», и приняли решение огласить содержимое конверта.

Ксения помнила: все родственники собрались в Круглой гостиной, которую никогда не использовали – мебель была накрыта чехлами, огромная люстра, свисающая с покрытого фресками потолка, запылилась, и слуги сбивались с ног, чтобы в течение часа привести стоявшую закрытой в течение многих лет комнату в божеский вид. Ксения как-то спросила у мамы, почему Круглая гостиная всегда заперта, и та пояснила: оказывается, деда Ксении нашли мертвым именно там. Он лежал на полу в луже крови.

Ксения смотрела на пол, тщетно стараясь отыскать темное пятно – остатки крови. В центре гостиной возвышался огромный овальный стол, вокруг него – дюжина массивных стульев. Она была единственным ребенком, ее кузен и кузина не были сюда допущены. Ксении так хотелось, чтобы кто-то из взрослых, удивленно подняв брови, велел и ей выйти прочь отсюда. Но этого не произошло – несмотря на свои восемь лет, она прекрасно понимала, что все солидные дяди и тети собрались здесь ради нее и именно она, а не кто-то другой, была главным действующим лицом происходящего.

Раздвижные двери Круглой гостиной захлопнулись, вспыхнула старинная люстра с гранеными подвесками из богемского хрустала, которую прабабка купила в Европе у разорившегося венгерского князя, Ксении сделалось страшно. Раньше, если она и присутствовала на подобных собраниях, то всегда сидела на коленях у отца или около мамы, а однажды (она была совсем несмышленьшей) Ксения ползала под столом, за которым сидели важные люди, щипала и кусала их за ноги, и все эти могущественные личности, управляющие миллиардами и владеющие миллионами, безропотно, мило улыбаясь или натужно хихикая, сносили проделки самого богатого ребенка на свете.

В этот раз все было иначе – Ксения, облаченная в неудобное клетчатое платье, которое ужасно жало под мышками и натирало жестким воротничком шею, уселась на огромный стул и заметила, что взрослые бросают на нее взгляды – кто полные любопытства, кто злорадства или сочувствия. Ксении было не по себе, ее так и подмывало выбежать прочь из этого помещения, больше похожего на могильный склеп, или хотя бы завизжать, зажав уши руками. Но что тогда подумают о ней все эти одиннадцать взрослых – ее дяди и тетки, адвокаты, менеджеры родительской корпорации?

Она, боясь откинуться на спинку стула, так и замерла в неудобной позе. Ксения понимала, что ничего хорошего эта встреча ей не сулит. Она видела напряженное бородастое лицо дяди Николаса, державшего во рту незажженную трубку, рядом с ним замерла его супруга,

белокурая тетя Ингрид, – она отчего-то кусала губы и теребила бриллиантовое ожерелье. Тетя Агата, с растрепанной прической, в платье ядовито-зеленой расцветки с желтыми разводами, приободряюще улыбнулась Ксении, но это не помогло. Была и тетя Сильвия – грациозная, высокая, как всегда, безукоризненно-элегантная: Ксении всегда казалось, что от нее веет холодом. Тетя Сильвия была известным нейрохирургом. Подле нее, развалившись в кресле, сидел дядя Лукас – в помятом шелковом пиджаке фиолетового цвета, воротник бордовой рубашки был засален, лицо его покрывала трехдневная щетина, а глаза, как обычно, были красными – ни для кого не было секретом, что младший из третьего поколения Сан-Донато любил приложиться к бутылке и принимал наркотики. Дядя Лукас нравился Ксении – когда он появлялся в особняке ее родителей, что происходило нечасто, так как отец не выносил младшего брата, а тот либо навещал его, чтобы потребовать денег, либо приносил ей с собой подарки – смешных кукол, запрещенные сладости или забавную безделушку.

– Дамы и господа! – провозгласил представитель адвокатской фирмы, худой господин с белоснежной гривой волос, в безукоризненном черном костюме. – Трагические обстоятельства последних дней принуждают нас, в полном соответствии с волей сеньора Максимилиана и сеньоры Веры Сан-Донато, предать огласке их распоряжения, которые они оставили на случай непредвиденных обстоятельств.

– Вы прочтете нам их завещание? – подала голос тетя Сильвия. У нее было приятное грудное меццо-сопрано.

– Нет, сеньора Сан-Донато, – ответил адвокат, – завещание вашего брата и его супруги, согласно законам нашей республики, может быть оглашено только в том случае, когда они будут признаны умершими...

Ксения вздрогнула и почувствовала, что слезы наворачиваются у нее на глаза. Она зажмурилась и вонзила ногти себе в коленку – она не имеет права плакать! Что тогда скажут о ней взрослые, которые собрались в Круглой гостиной ради нее, наверняка сочтут, что девчонка плохо воспитана и не умеет контролировать свои эмоции.

– А это может произойти только в том случае, – вещал адвокат, не обращая внимания на Ксению, – если будут обнаружены их тела...

Дядя Николас вынул изо рта незажженную трубку, взмахнул ей и сказал:

– Предположим, только предположим, что самолет с моим братом и золовкой никогда не будет найден. Или будет найден только спустя некоторое время. Что делать тогда? Максимилиан является председателем совета директоров и президентом корпорации, без него работа будет парализована...

– Уж говори яснее, – произнес хрипло дядя Лукас. – Николас, душка, ты хочешь сказать, что работа по пополнению твоего счета в банке будет затруднена до того момента, пока Максимилиан не будет признан покойничком?

Тетя Ингрид метнула злобный взгляд в сторону дяди Лукаса, и даже Ксения поняла, что она не выносит брата своего супруга.

Кашлянув и тем самым призвав родственников к порядку, адвокат пояснил:

– Чтобы кто-либо был объявлен мертвым с точки зрения закона, потребуется семь лет – если в течение этого срока не появятся доказательства того, что эти персоны все еще живы, они будут признаны погибшими.

– Семь лет! – вскричала тетя Ингрид.

Она говорила по-испански с сильным шведским акцентом, но Ксения знала, что тетка притворяется. Если ситуация того требовала, она могла тараторить на чужом языке с огромной скоростью и без малейшего акцента. Но, видимо, сейчас она вдохновенно играла роль мало что понимающей иностранки.

– Ни больше и ни меньше, сеньора Сан-Дonato, – подтвердил адвокат. – Но мы исходим из самого неблагоприятного развития событий. Будем же надеяться, что сеньор и сеньора Сан-Дonato отыщутся в самое ближайшее время в полном здравии.

Ксения поняла, что никто из взрослых, сидевших за столом, не верит в это. Она буквально почувствовала мысли – они все не сомневались в том, что ее родители погибли. Более того, они страстно желали этого! Девочке сделалось страшно.

Тем временем адвокат, нацепив на нос очки, при помощи позолоченного ножика вскрыл конверт.

– *«Мы, Максимилиан и Вера Сан-Дonato, оставляем распоряжения на тот случай, если наша гибель не может быть установлена с прямой достоверностью. Если на этот момент наша дочь Ксения не достигнет двадцати пяти лет, то до этого срока надлежит создать опекунский совет, в который должны войти Николас и Сильвия Сан-Дonato и три адвоката. Этот совет будет обладать правом распоряжаться нашим имуществом, которое должно быть передано в полное и безоговорочное владение нашей дочери Ксении в тот день, когда ей исполнится 25 лет...»*

Ксения плохо помнила все витиеватые и сложные для понимания казенные фразы, которыми пестрело послание ее родителей. Она видела, с каким вниманием все присутствующие слушают адвоката.

– Поздравляю, племянница, согласно этой бумажке ты станешь самой богатой наследницей в Коста-Бьянке, – пробормотал дядя Лукас, когда адвокат завершил чтение.

Ксении показалось, что его слова полны горечи и раздражения. Но ведь дядя Лукас был всегда так добр к ней!

Но не только дядя Лукас изменил к ней отношение. Ксения ощутила, что для всех она из прежней «малышки Ксении» превратилась в значимую персону. Она помнила вопрос, который задала тетя Ингрид:

– А что случится, если наша дорогая Ксения... не сможет стать наследницей? – проронила она.

Тетя Сильвия резко спросила:

– Отчего это она не сможет стать наследницей, Ингрид? Что способно этому помешать?

Тетя Ингрид ответила с тонкой улыбкой:

– Сильвия, ты же знаешь, что жизнь полна сюрпризов. Несчастный Максимилиан и Вера, и мы должны исходить именно из этого, погибли!

Ксения почувствовала, что предательская слезинка побежала по щеке. Она наклонила голову и незаметным движением смахнула ее.

– А это значит, что мы должны предусмотреть все варианты, – продолжала тетя Ингрид, а ее муж кивал в такт словам, как будто полностью их поддерживал. – Что, если наша дорогая Ксения, как и ее родители, станет жертвой нелепого несчастного случая? Или попадет в катастрофу? Или у нее обнаружится неизлечимая болезнь?

– Или станет жертвой убийства, – добавил дядя Николас.

Дядя Лукас прогнусавил:

– К чему все это, мои дорогие родственнички? Или у вас текут слюни от мысли, что если девчонка вдруг умрет до достижения двадцати пяти лет, так и не унаследовав миллиардное состояние и бразды правления корпорацией, то все деньги и власть будут поделены между нами?

Дядя Николас побагровел, тетя Ингрид воскликнула что-то по-шведски, изображая из себя до крайности шокированную особу.

– Как ты можешь, Лукас! – произнесла она. – Ты – ничемный ловелас, трутень, эгоист, лентяй! Ты тратишь деньги, не прикладывая усилий к тому, чтобы их зарабатывать! У тебя нет детей, ты не думаешь о будущем! А наш дорогой Рудольф...

– Хм, ваш Рудольф, – усмехнулась тетя Сильвия.

Метнув в нее испепеляющий взгляд, дядя Николас заявил:

– Да, наш Рудольф! По крайней мере, у нас есть ребенок, а у тебя, дорогая сестричка, их никогда не будет – чего уж скрывать то, что и так является секретом Полишинеля – ты ведь в постели предпочитаешь женщин!

Адвокат безуспешно призывал разошедшихся родственников к порядку. Лицо тети Сильвии окаменело. Ксения задумалась: что же это значит – «предпочитать в постели женщин»?

– Стыд и срам! Какие пошлости вы говорите в присутствии малолетней! Вы бы все отдали, чтобы ваш Рудольф оказался на месте Ксении, – тонким голосом воскликнула тетя Агата. – Вы растите своего мальчишку, как принца!

– В отличие от тебя, моя дорогая, я знаю, кто является отцом моего ребенка! – заявила тетя Ингрид. Тетя Агата ахнула и залилась слезами.

Адвокат постучал по столу и заявил:

– Дамы и господа, прошу вас воздержаться от взаимных оскорблений и нелепых обвинений. Я отвечу на вопрос, поставленный госпожой Ингрид Сан-Дonato.

Воцарилась тишина. Ксения почувствовала, что все взрослые устали на нее. Только годы спустя она поняла – они смотрели на нее и видели перед собой самого богатого ребенка в мире. В то время Ксения не придавала большого значения деньгам, она считала, что ее образ жизни – вполне нормальный, и не задавалась вопросом, каждый ли ребенок обитает в огромном особняке и имеет комнату, заполненную дорогими игрушками.

– Как следует из оглашенного мной документа, до достижения двадцати пяти лет госпожа Сан-Дonato будет иметь ограниченное право распоряжаться своим состоянием. Разумеется, ежемесячно ей будет выделяться определенная сумма, которая пойдет на покрытие ее расходов. В свой двадцать пятый день рождения малышка Ксения получит все, что принадлежало ее родителям!

Дядя Лукас шумно вздохнул и пробормотал намеренно громко:

– Черт побери, и почему нельзя жениться на собственной племяннице?

– В том же гипотетическом случае, – продолжал адвокат, – если сеньора Ксения Сан-Дonato по каким-либо причинам не сможет войти в права наследства в день, когда ей исполнится двадцать пять лет...

– Предположим, Ксения умрет, – быстро вставила тетя Ингрид.

Адвокат, как показалось Ксении, с осуждением посмотрел на тетку и продолжил:

– Если рассматривать такой страшный вариант, что сеньора Ксения Сан-Дonato скончается до вступления в права наследства, то все, что ей причитается по закону, будет разделено в равных долях между остальными наследниками...

– Ага! – произнес дядя Николас, и Ксения заметила, что его тонкие губы растянулись в злобешей улыбке.

– Поэтому на данный момент в качестве ее ближайших родственников выступаете вы, дамы и господа, – две родные тетки и два родных дядьки сеньоры Ксении.

– Не вижу смысла продолжать эту дискуссию, – дрожащим голосом произнесла тетя Агата. – Милая Ксения проживет еще очень долго, так зачем же...

– Ну почему же, сестренка, – взвился дядя Лукас, – кто знает, что уготовила каждому из нас судьба. Так что продолжайте, господин крючкотвор!

Адвокат, не реагируя на колкость со стороны дяди Лукаса, добавил:

– Но в том случае, если сеньора Ксения Сан-Дonato выйдет замуж до достижения двадцати пяти лет и вступления в права наследства и, повторюсь, мы рассматриваем исключительно теоретический вариант, вдруг скончается, то единственным наследником всего ее состояния станет ее супруг!

Ксения помнила последнюю фразу, которой одарил тогда всех дядя Лукас. Расхохотавшись, он положил ноги на полированную поверхность стола и протянул:

– И тогда те изверги, что затеют убийство моей любезной племянницы, останутся с носом! Вот так-то!

Ксения стряхнула с себя воспоминания. С тех пор прошло много лет. Еще немного – и она унаследует все, что завещали ей родители. Но если бы она могла снова увидеть их!

О, если бы она только могла...

Тонкий писк телефона вернул Ксению к действительности. Она взяла трубку.

– Сеньора Сан-Донато? – произнес мужской голос. – Добрый день, вас беспокоит Мигель Торхес, представитель Министерства внутренних дел.

– Чем я обязана вашему звонку? – поинтересовалась Ксения. Ей не так часто приходилось общаться с представителями Министерства внутренних дел.

– Сеньора, – произнес звонивший, – думаю, что новости, которые я хочу сообщить, заинтересуют вас. Ваши родители...

– Что с ними? – выкрикнула Ксения. Ее сердце заколотилось. Как же она ждала этого момента и потеряла надежду на то, что когда-нибудь раздастся телефонный звонок и кто-то сообщит ей: родители нашлись!

Внезапно Ксения подумала, что с момента их исчезновения прошло почти семнадцать лет. Нет, этого не может быть! Или звонок – чья-то жестокая шутка?

– Ваши родители... – повторил Мигель Торхес. – У меня есть новости относительно их судьбы!

– Я слушаю, – медленно произнесла Ксения.

Она была готова услышать нерадостную весть, но безумная надежда озарила ее сердце – а вдруг... Вдруг родители живы? Все же могло случиться, они могли заблудиться в джунглях, пострадать в результате катастрофы, потерять память...

– Сеньора, – вещал представитель Министерства внутренних дел, – мне тяжело говорить, и я понимаю, что вам гораздо тяжелее слышать об этом, но ваши родители...

– Так что же с ними?! – не выдержала Ксения Сан-Донато. – Прошу вас, говорите!

– Мы нашли их, – ответил после короткой паузы Мигель Торхес.

– Вы их нашли? – выдохнула Ксения.

Наконец-то свершилось! Ее мечты сбылись! Она никак не могла поверить, что этот телефонный звонок реален. Они нашли ее родителей, а это значит, что все будет, как и раньше!

Внезапно Ксения почувствовала дурноту. Почему представитель министерства молчит? И отчего в его голосе не слышится радости, а, наоборот, проскальзывает горечь и неловкость?

– Я хочу их немедленно видеть! – заявила Ксения. – Сообщите мне, где они! С ними все в порядке? Они находятся в Коста-Бьянке или за границей?

Пауза затянулась. Мигель Торхес медлил с ответом. Затем он сказал:

– Сеньора Сан-Донато, боюсь, что по моей вине произошло недоразумение. Мы нашли ваших родителей, но они... Мы нашли их самолет...

Ксения поняла, что это значит. И как она могла поверить, даже на мгновение, в то, что кто-то обнаружил ее родителей живыми! Не могли же они скрываться ото всех в течение последних семнадцати лет! Ксения разозлилась на саму себя.

– Вы нашли их самолет? – повторила она. – Эти слова не оставляют надежды, сеньор.

– К великому сожалению, вы правы, сеньора Сан-Донато, – подтвердил звонивший. – Вчера вечером рабочие, занимавшиеся прокладкой новой магистрали в труднодоступном районе джунглей на границе с Венесуэлой, наткнулись на остов самолета. У нас нет никаких сомнений, что это самолет, на котором ваши родители совершали перелет из Каракаса до Эльпара-

исо. Вернее сказать, они намеревались попасть в нашу столицу, но... Мне очень жаль, сеньора Сан-Донато, мне очень жаль...

Ксения прикрыла глаза. Сколько раз ей доводилось выслушивать подобные соболезнования – все были уверены, что ее родители погибли, и только она сама в течение этих семнадцати лет хранила надежду. И вот раздался телефонный звонок, который вернул ее в реальность.

– Вы нашли их тела? – спросила она.

Помявшись, Мигель Торхес сообщил:

– Да, сеньора. В салоне самолета найдены три... тела, которые, судя по всему, принадлежат вашим родителям – Максимилиану и Вере Сан-Донато, также в кабине обнаружили тело пилота...

– Родриго Лопеса, – прошептала Ксения.

– Вы совершенно правы, – подхватил представитель министерства. – Это он. О находке никто не знает, но не пройдет и нескольких часов, как пресса разнюхает об этом – в нашей стране, как вам хорошо известно, трудно что-то скрывать долгое время от средств массовой информации. Я могу только предложить вам...

– Я хочу видеть их! – заявила Ксения. – Я хочу осмотреть место катастрофы!

– Думаю, что с этим не возникнет трудностей, – сказал Мигель Торхес.

Что-то в его тоне не понравилось Ксении. Звонивший снова замолчал, как будто желал скрыть что-то.

– Вы должны сообщить мне всю правду, сеньор, – прошептала Ксения. – Я ведь чувствую: вы знаете больше, чем сообщили мне.

На обратном конце раздался приглушенный смешок:

– От вас ничего не утаишь, сеньора Сан-Донато. Но не думаю, что стоит говорить об этом по телефону. То, что самолет с останками ваших родителей и пилота найден, рано или поздно станет известно прессе. А вот то, что...

– Говорите, прошу вас! – едва ли не умоляющим тоном произнесла Ксения. – Как их дочь я имею право знать всю правду!

– Я в этом не сомневаюсь, – закашлялся Мигель Торхес. – Сеньора Сан-Донато, согласно общепринятой версии, самолет ваших родителей попал в грозу, что, вероятнее всего, и привело к катастрофе...

Ксения почувствовала, что ей не хватает воздуха.

– Разве это не так? – прошептала она. – В тот день над джунглями бушевал ливень... Я не сомневаюсь, что это и стало причиной катастрофы. Или вы хотите сказать, что пилот не справился с управлением?

– Сеньора, – ответил Торхес. – На месте обнаружения самолета с останками ваших родителей и пилота Лопеса работает спецгруппа Министерства внутренних дел. Все эти люди – специалисты экстра-класса, и они уверены, что катастрофа, которая унесла жизни сеньора и сеньоры Сан-Донато, не была случайной...

– Что вы хотите этим сказать? – трубка едва не выскользнула у Ксении из пальцев. – Что это значит, сеньор? Разумеется, катастрофа была фатальным стечением неблагоприятных обстоятельств, как же еще...

– Вынужден вас разочаровать, – ответил звонивший. – Нашим экспертам предстоит еще много работы, но в одном они не сомневаются – самолет потерпел крушение вовсе не из-за того, что попал в грозу или, к примеру, в него ударила молния, что привело к отказу навигационных приборов или поломке двигателей.

– Так что же тогда? – спросила Ксения. – Говорите, прошу вас!

Мигель Торхес кашлянул и продолжил:

– Самолет упал в джунглях из-за того, что на его борту произошла разгерметизация. А ее причиной явился взрыв...

– Взрыв? – непонимающим тоном переспросила Ксения. – Но как такое могло произойти? Самолет моих родителей перед каждым вылетом подвергался тщательной проверке, о неисправности не может быть и речи...

– Вы правы, сеньора Сан-Дonato, наши эксперты тоже отмели версию о технических неполадках, – сказал Мигель.

– Но тогда в чем же дело? – Ксения ощутила, что слезы подкатывают к горлу. Нет, она не может сейчас разрыдаться!

– Дело в том, сеньора Сан-Дonato, что самолет ваших родителей стал ареной преступления, – произнес Торхес. – Эксперты обнаружили в хвостовой части салона следы пластиковой взрывчатки, что однозначно свидетельствует о том, что на борту произошел взрыв, который и привел к крушению. И этот взрыв – намеренное деяние. Как ни прискорбно мне сообщать об этом, сеньора Сан-Дonato, но ваши родители были убиты. Некто позаботился о том, чтобы на борту их самолета оказалась миниатюрная бомба, которая сработала, и самолет развалился. Мне очень жаль, примите мои самые искренние соболезнования...

Ксения произнесла ровным тоном:

– Сообщите мне, где обнаружен самолет, и я немедленно вылечу туда. Я хочу видеть родителей как можно скорее!

Бескрайний ковер вечнозеленых джунглей был отлично виден из иллюминаторов вертолета. Ксении понадобилось почти шесть часов, чтобы добраться до места крушения самолета ее родителей. В джунглях нет взлетно-посадочной полосы, поэтому пришлось отказаться от идеи добраться самолетом, и она воспользовалась вертолетом. Ксения поднималась в воздух чрезвычайно редко. Она никак не могла преодолеть страх, который поселился в глубине ее души после исчезновения родителей.

Пилот сообщил ей, что они практически на месте. Вертолет начал снижаться, и Ксения заметила фигурки людей, которые суетились и махали руками на огромной пропешине посреди джунглей. Ксения едва не вскрикнула, заметив серебристый остов самолета: искореженный лайнер распластался среди лиан. Неужели это и есть место последнего упокоения ее родителей? И в течение семнадцати лет они находились в кабине этого самолета, который, как уверяют ее эксперты, был взорван при помощи пластиковой взрывчатки?

Ксения никому не сообщила о звонке. Даже Андреас, ее жених, не был в курсе – он все равно находится в Нью-Йорке, зачем его беспокоить. А вот родственникам пока не обязательно знать о том, что самолет с останками родителей обнаружен. Наверняка последуют претензии и обиды, тетки и дяди будут упрекать Ксению в том, что она вовремя не оповестила их. Но Ксения не хотела ни с кем разговаривать, выслушивать нравоучительные замечания и глупые советы.

Вертолет совершил плавную посадку на расчищенную от деревьев площадку. Ксения распахнула дверь и выскользнула из кабины. К ней спешило несколько человек. Один из них, невысокий коренастый мужчина в джинсах, красной майке и черной бейсболке, протянул ей руку и прокричал:

– Рад с вами познакомиться, сеньора Сан-Дonato, я и есть Мигель Торхес!

Он представил Ксении экспертов, которые занимались тем, что осматривали самолет ее родителей.

– Отлично, что вы смогли так быстро прибыть к нам, сеньора Сан-Дonato, – вещал Торхес, пока они пересекали расчищенное поле. – Как видите, здесь идет подготовка к строительству новой магистрали, которая свяжет столицу с отдаленными штатами. Поверьте мне, рабочие часто натываются на разнообразные курьезы и сюрпризы в джунглях!

Ксения подумала, не является ли для Торхеса и самолет с останками ее родителей своеобразным «курьезом». Тот, не заметив, какое впечатление произвели его слова на Ксению, безмятежно продолжал:

– Например, некоторое время назад был найден американский истребитель времен Второй мировой. Непонятно только, каким образом он попал в джунгли – Коста-Бьянка располагается от места военных действий в тысячах километров! Или, к примеру, многие втайне надеются, что смогут напасть на следы казны императора Сильвио, вам ведь известна легенда о том, что этот пройдоха или кто-то из его доверенных лиц спрятал бочки с золотом где-то в джунглях! В прошлом году в монастыре Непорочного Зачатия, который расположен в ста километрах отсюда к востоку, была обнаружена подземная камера, но сундуки и баулы в ней оказались пусты!¹ Это значит, что сокровище находится в другом месте и ждет своего часа!

Ксения не слушала болтовню говорливого Торхеса. Судя по всему, тот был горд до чрезвычайности, что такая известная особа, каковой являлась Ксения Сан-Донато, находится рядом с ним. Она чувствовала любопытные взгляды – небритые рабочие, занимавшиеся расчисткой участка для трассы, пялились на нее, переговаривались и гоготали. Кто-то тыкал в нее пальцем, другие сально улыбались. Ксении стало не по себе – она была для них объектом непристойных шуток и пересудов.

– Не обращайтесь на них внимания, – посоветовал Торхес. – Это – обыкновенные работяги, очень многие из них не ходили в школу и не могут делать ничего иного, как заниматься тяжелой физической работой. Вы для них, сеньора Сан-Донато, некое божество, которое в прямом смысле спустилось с небес.

Ксения поняла, что это комплимент, но он ей не понравился. Однако она прибыла сюда не для того, чтобы рабочие пялились на нее. У нее совершенно иная миссия. Они подошли к краю расчищенной площадки, за которым начинались труднопроходимые джунгли.

– Рабочие, когда наткнулись на самолет, оповестили своего шефа, а тот связался с нами, – говорил Мигель Торхес. – Осторожнее!

Ксения заметила пеструю змею, которая проползла около нее. Ей сделалось не по себе. Она – типичное дитя цивилизации, джунгли были для нее враждебным и крайне опасным местом. И кто бы мог подумать, что именно там ее родители нашли свою гибель!

Самолет висел на лианах над самой землей. Если с воздуха он казался серебристым, то вблизи Ксения увидела – его бока потемнели, поросли мхом и плесенью. И все же можно было разглядеть выцветшие буквы: «Корпорация Сан-Донато». Никаких сомнений быть не могло – это самолет ее родителей!

– Самолет в таком хорошем состоянии, потому что он упал с небольшой высоты, а деревья и лианы смягчили удар, – пояснил Торхес.

Ксения обратила внимание на искореженную хвостовую часть. Перехватив ее взор, Мигель сказал:

– Да, именно там и произошел взрыв. Скорее всего сдетонировало что-то находившееся в багаже. Самолет, как вы видите, маленький, и этот взрыв стал для него роковым.

– Могу ли я... – начала Ксения.

Торхес ответил:

– Сеньора Сан-Донато, не думаю, что это удачная идея. Уверю вас, тела ваших родителей пролежали в джунглях на открытом воздухе почти семнадцать лет, и это – зрелище не из приятных...

– Я должна их увидеть, – настаивала на своем Ксения.

Вздыхнув, Торхес сдался:

¹ Читайте об этом в романе А. Леонтьева «Дворец, где разбиваются сердца», издательство «Эксмо».

– Как хотите, сеньора. Через поврежденный хвост мы можем проникнуть в салон самолета.

Ксении помогли вскарабкаться наверх, она шагнула во чрево самолета через большое отверстие, которое образовалось в результате взрыва. Внутри салона царил приятный полумрак. Самолет стал добычей тропических растений – лианы обвили стены, на потолке покачивались бутоны разноцветных цветов. Ксения увидела побелевшую кожаную обшивку сидений.

Торхес, поддерживая Ксению за локоть, был рядом.

– Уверю вас, тут не на что смотреть, – стрекотал он. – Наши эксперты знают свое дело, сеньора Сан-Донато.

Не слушая его, Ксения прошла в глубь салона. Под ногами что-то хрустнуло – она увидела несесер из крокодиловой кожи. Точно такой был у ее мамы! И только секундой позже Ксения поняла, что именно этот и принадлежал ее матери. Она наклонилась и бережно подняла его. Золотые ножнички, щипчики, пилочка для ногтей.

– Где они? – задала она вопрос. Торхес указал рукой на стену из переплетенных лиан, которая преграждала им путь.

– Они там, в передней части салона, – произнес он со смущением. – Сеньора Сан-Донато, может быть, вы передумаете? Пускай ваши родители останутся такими в вашей памяти, какими вы видели их в последний раз.

Ксения раздвинула лианы и прошла в переднюю часть салона. В волосах у нее что-то затрепетало, она вскрикнула, подоспевший Торхес успокоил ее:

– Всего лишь тропическая бабочка, сеньора Сан-Донато.

Узорчатая обивка салона (ее выбирала мама много лет назад) вздулась, черные метастазы плесени разъели ее.

Два сиденья. Ксения видела две фигуры, которые сидели в них спиной к ней. Чувствуя, что сердце готово выскочить из груди, она подошла к одной из них. Темные пышные волосы – это ее мама. Ксения дотронулась до плеча той, что сидела в кресле.

А вот и отец – он расположился рядом. Ксения улыбнулась. Он ничуть не изменился – все те же волосы, одежда, чуть полинявшая и выцветшая, но это – ее родители.

– Я нашла вас, – прошептала Ксения и сделала еще несколько шагов. Она хотела взглянуть родителям в лицо. И только секундой позже она поняла, что делать этого не стоило.

В креслах перед ней в скрюченных позах замерли два страшных скелета – рты были распхнуты в безмолвном крике, кожа, местами еще сохранившаяся, приняла черновато-коричневый оттенок и походила на древний пергамент. Ксения в ужасе отвела взор. Торхес был прав – те люди, которых она помнила красивыми и жизнерадостными, превратились в две мумии. На жилистой черной шее той, что была ее матерью, Ксения заметила зеленые искорки изумрудов. Неужели этот камень принес им несчастье? И только волосы выдавали в них отца и маму. Ксения отвернулась и, не в состоянии сдержать слезы, расплакалась.

– Сеньора Сан-Донато, поверьте мне, вам здесь делать нечего. – Торхес взял ее под руку. – Разрешите мне вывести вас на свежий воздух.

– Я хочу видеть Родриго Лопеса! – упрямо проговорила Ксения.

Она подошла к дверному проему, который отделял салон от кабины пилота. Стекло кабины треснуло, и сквозь него в самолет проникли вездесущие лианы. Родриго Лопес в некогда белоснежной, а теперь давно ставшей серой форме лежал на навигационной доске. Ксения побледнела – тело было без головы.

– Мда, кошмар, да и только, – промолвил Торхес. – Бедняге пилоту не повезло больше всего, если, конечно, в данном случае вообще можно говорить о чьем-то везении: ведь погибли все! При падении его выбило из кресла, и он едва не вылетел наружу. Точнее, около самолета мы нашли его череп, а вот его тело осталось в кабине. Не позавидуешь!

Ксения прошла через салон, стараясь не смотреть на два скрюченных черных тела, которые замерли на сиденьях. Оказавшись снаружи, она вдохнула полной грудью и спросила:

– Итак, сеньор Торхес, к какому выводу пришли ваши эксперты? Вы говорили что-то о намеренном взрыве?

Мигель кивнул в сторону высокого худого мужчины с седой бородой, тот пояснил:

– Сеньора Сан-Донато, пока еще рано делать окончательные выводы, но нам удалось кое-что выяснить. В хвостовой части самолета сработало взрывное устройство с часовым механизмом. И даже такой пилот-ас, каким был Родриго Лопес, ничего не мог предпринять в столь безвыходной ситуации. Самолет в течение считанных секунд спикировал вниз, обрекая тем самым всех, кто находился на его борту, на неминуемую смерть. Выжить было практически невозможно.

– Но как взрывчатка оказалась на борту самолета? – растерянно проговорила Ксения. – Мои родители возвращались из Венесуэлы, в их багаже не могло быть ничего подобного!

– Я тоже так считаю, – сказал Мигель Торхес. – Не думаю, что ваши родители были настолько неблагоразумны, что по какой-то странной прихоти взяли с собой пластиковую взрывчатку, снабженную часовым механизмом. Таким образом, мы должны рассматривать иную, наиболее плодотворную версию – ваши родители стали жертвой тщательно спланированного убийства!

Ксения в задумчивости взглянула на искореженный хвост самолета. В течение семнадцати лет она старалась свыкнуться с мыслью, что отец и мама стали жертвами роковых обстоятельств и разыгравшаяся над джунглями буря привела к их гибели. И вот внезапно выясняется, что они убиты!

– Вы в этом уверены? – спросила Ксения. – Или все-таки крушение самолета могло быть вызвано иными причинами?

Бородатый эксперт рассмеялся:

– Сеньора Сан-Донато, уверяю вас, что причина одна: сработала бомба с часовым механизмом. Мы обнаружили части взрывного устройства и остатки взрывчатки. Анализ займет какое-то время, тем более я не в состоянии осуществить его в джунглях, но я, как и мои коллеги, не сомневаюсь в том, что сеньор Максимилиан и сеньора Вера Сан-Донато, как, впрочем, и пилот Родриго Лопес, были убиты.

Мигель Торхес добавил:

– В ближайшее время, сеньора, прокуратура откроет дело по поводу убийства ваших родителей. Мы надеемся на успех, боюсь только, что мы должны реально смотреть на положение вещей: с момента убийства, а в том, что это было убийство, как вы поняли, сомневаться не приходится, миновало почти семнадцать лет. В нашем распоряжении имеются улики, но их немного. Тот, кто организовал это преступление, давно замел следы.

– Вы хотите сказать, что шансов на то, чтобы напасть на след человека, организовавшего крушение самолета моих родителей, почти нет? – переспросила Ксения.

Торхес замахал руками и воскликнул:

– О, сеньора Сан-Донато, прошу понять меня правильно – если преступление не раскрыто по горячим следам, то вероятность того, что оно будет раскрыто спустя семнадцать лет, ничтожно мала. Да и кого мы можем включить в круг подозреваемых, сеньора? В первую очередь тех людей, которые получают максимальную прибыль после гибели ваших родителей. А таких людей немного.

Мигель Торхес смолк и, хитро улыбнувшись, добавил:

– Первая подозреваемая – это вы! Вы же их единственная наследница, сеньора Сан-Донато. Газеты постоянно величают вас самой богатой женщиной Южной Америки, и не думаю, что нам нужно сомневаться в правдивости этого эпитета. Но на момент преступления вам было восемь лет, если не ошибаюсь, катастрофа произошла в ваш день рождения. Поэтому

никто всерьез не будет подозревать вас, сеньора, не говоря уже о том, что у вас не было возможности подложить в самолет родителей бомбу с часовым механизмом.

Ксения вспомнила перепалку родственников в тот день, когда адвокат оглашал завещание ее родителей. Она никого не интересовала, все были заняты только одним – получить свою долю. Смерть родителей сделала ее богатой наследницей. Внезапно Ксения подумала о том, что ее смерть, приключись она в ближайшие дни, превратит ее родственников в миллиардеров. Они и так далеко не бедные люди, но основное состояние принадлежит ей. В ее же руках находится и власть. Так неужели кто-то организовал смерть мамы и отца с одной целью – получить все?

– Как мне кажется, вы думаете о том, о чем думаю и я, – продолжил Торхес. – Это преступление было задумано и осуществлено кем-то из вашего семейства. И вам лучше знать, кто хотел смерти ваших родителей. У вашего отца было две сестры и два брата, кажется, так? Уверены ли вы в том, что они лояльны по отношению к вам?

– Если я умру до того, как мне исполнится двадцать пять, или до того, как я выйду замуж, они получат все, – произнесла Ксения.

Торхес потер руки, будто услышал радостную весть.

– Ах, и ваши дорогие родственники поделят все миллиарды семейства Сан-Донато между собой? А кроме этого, получат полный контроль над вашей изумрудной империей, сеньора? На вашем месте я бы не стал доверять теткам и дядькам. Ведь один или одна из них – организатор гибели ваших родителей!

2 октября

Ксения обвела взором всех тех, кто собрался в Круглой гостиной. Встреча походила на ту, что прошла много лет назад, – она, растерянная девчонка, находится среди алчных родственников.

– Ксения, для чего ты созвала нас в столь спешном порядке? – задал вопрос дядя Николас.

Как всегда представительный, он держал во рту незажженную трубку. Тетя Ингрид и их сынок Рудольф сверлили Ксению взглядами, словно желая одного: чтобы она упала замертво!

– А чего непонятного, братец, – хохотнул дядя Лукас, как обычно, одетый в мятый дорогой костюм. Дядя Лукас за прошедшие годы погрузнел и облысел, оказался замешанным в ряде постыдных скандалов и ежемесячно обращался к «милрой племяннице», чтобы та оплатила его многочисленные счета. – Ксения вызвала нас, чтобы огласить свое завещание! – добавил он и залился смехом, довольный собственной сомнительной остротой.

– Прекрати молоть чепуху, Лукас! – сказала строго тетя Сильвия.

Она по-прежнему лучилась холодной красотой: тетя возглавляла столичный институт нейрохирургии и считалась одним из мировых корифеев в этой области.

– А без этого он не может, – подала голос тетя Агата, облаченная в малиновое сари и золотистый тюрбан, из-под которого выбивались непослушные седые локоны.

Тетя была в своем репертуаре – она заклинала духов, общалась с потусторонним миром и насыщала чакры энергией. Ее карьера великой художницы не удалась, и весь свой энтузиазм она пустила на воспитание дочери Эрики. Нескладная светловолосая девица сидела рядом с матерью и смотрела в потолок.

– Итак, дорогая, – произнесла тетя Ингрид, – в чем дело? Ты собрала нас у себя в особняке, не объяснив, что произошло. Какие новости ты хочешь преподнести нам на этот раз? Нам уже достаточно того, что ты собираешься замуж...

Ксения помнила, какую реакцию вызвала эта новость у тети Ингрид: она сначала побледнела, затем покраснела и выпалила, что Ксении нужно заботиться о благе корпорации, а не думать о плотских развлечениях. Тетя Ингрид была почему-то долгое время уверена, что ее сынок Рудольф, пустоголовый молодой человек, станет мужем своей кузины.

– Я должна сообщить вам новость, которую разнесут сегодня вечером по всем телевизионным каналам, – заявила Ксения. – Эта новость касается вас всех и в особенности одного или одной из вас!

Ксения видела, как на лицах собравшихся родственников отразился страх. Она так и знала: кто-то из них причастен к гибели родителей. И этот человек последние семнадцать лет притворялся ее другом! Он сидит перед ней! Но кто именно?

– Поэтому я решила, что вы имеете право узнать об этом до того, как журналисты в очередной раз примутся смаковать детали нашей семейной истории, – продолжила Ксения. – Вчера вечером в джунглях был обнаружен самолет моих родителей...

Она внимательно следила за реакцией каждого из собравшихся. Тетя Агата тихонько взвизгнула и приложила руку к сердцу. Дядя Лукас судорожно сглотнул и попытался придать своему лицу трагическое выражение. Тетя Сильвия откинулась на спинку стула и замерла, как будто ожидая вызова. Кузина Эрика странно улыбнулась. Тетя Ингрид и дядя Николас обменялись многозначительными взглядами. Их сынок Рудольф раскатисто чихнул.

– Ксения, ты хочешь сказать, что найден самолет Максимилиана и Веры? – произнес наконец дядя Николас.

– Да, и я была на месте катастрофы, вернулась всего два часа назад, – пояснила та.

Тетя Ингрид недовольно прошипела:

– Ты уже была там? И сообщаемь нам о том, что Максимилиан и Вера нашлись, только сейчас? Как ты могла, Ксения!

Ксения не обратила внимания на упреки в свой адрес. Она чувствовала, что каждый из присутствующих что-то скрывает. Но что? И имеет ли это отношение к гибели ее родителей?

– Ах, какая трагическая судьба! – приложив длинные пальцы к вискам, залепетала тетя Агата. – Я всегда твердила Максимилиану и Вере о необходимости обратиться к хироманту или астрологу! Они бы могли избежать этого досадного несчастного случая!

– Это был не несчастный случай, – сказала тихо Ксения.

Ее слова произвели взрывной эффект.

– Дорогая племянница, о чем ты говоришь? – произнес дядя Николас. Его лицо приняло пепельный оттенок. Ксения заметила, что тетя Ингрид морщит лоб, пытаясь совладать с эмоциями.

– Так что же произошло? – подала голос тетя Сильвия. – Если это был не несчастный случай, то наверняка вся причина в том, что пилот не справился с управлением, или отказали приборы, или что-то еще!

– Вот именно, что-то еще, – произнесла Ксения. Родственники притихли. Ксения продолжила: – Это было убийство!

Странно, но эти слова не вызвали у собравшихся ожидаемой реакции. Все молчали, и по прошествии двух или трех минут подала голос кузина Эрика. Срывающимся голосом она рискнула спросить:

– Ксения, о чем это ты? Как их могли убить?

Вслед за Эрикой и прочие родственники накинулись на Ксению. Дядя Лукас печально покачал головой и прогнусавил:

– Я понимаю, что потерять родителей в таком нежном возрасте – страшно, дорогая Ксения, и это было настоящим ударом для тебя, я помню, как ты рыдала и билась в истерике. Но это не повод для того, чтобы потчевать нас небылицами!

– Убийство, вы только подумайте! – возмутился дядя Николас. Он с силой швырнул трубку на полированный стол. – Если верить желтой прессе, то Максимилиана и Веру забрали к себе марсиане! А ты выдвигаешь смехотворную версию – они стали жертвой убийства!

– Мне кажется, – проблеяла тетя Агата, поправляя сползший на лоб тюрбан, – мне кажется, дорогая Ксения, что Николас прав. Ты же знала, милая девочка, что я всегда на твоей стороне, я вместе с тобой скорбела по поводу гибели Макса и Веры, но, как учит далай-лама, мы должны стойко переносить удары судьбы!

– Это пахнет теорией заговора, – ввернул кузен Рудольф. – Ксения, тебе пора образумиться!

Ксения молча наблюдала за словесной перепалкой. Она ждала, когда же наконец родственники выдохнутся и их боевой запал сойдет на нет. Когда страсти улеглись, слово взяла тетя Сильвия. Она намеренно не обвиняла племянницу в бездушии и подтасовке фактов.

– Если Ксения считает, что ее родители стали жертвой убийства, то мы должны выслушать аргументы, – произнесла она спокойно. – Ведь у тебя, Ксения, есть доказательства своей версии? Уверена, что есть, иначе бы ты не стала бросаться такими обвинениями!

Тетя Сильвия умела разложить все по полочкам, за это Ксения была ей благодарна. Однако любви или чувства привязанности она к тетке не испытывала – та жила крайне уединенно. Ей было за сорок, она не собиралась выходить замуж или заводить детей, и лишь посвященные знали о ее страсти к женщинам. В отличие от прочих родственников, она не принимала участия в светской жизни, не посещала вечеринки, не бывала в эксклюзивных клубах.

– Вы правы, тетя Сильвия, – сказала Ксения. – У экспертов нет ни малейшего сомнения: самолет моих родителей был взорван!

– Но как же так? – Выщипанные брови тети Агаты взлетели вверх. – Такого не может быть! Это исключено! Как террористы могли совершить подобное злодеяние...

Ксения прервала ее:

– Никто не ведет речь о террористах, тетя Агата.

– Но если не террористы, не все эти сумасшедшие левые радикалы или неонацисты, сепаратисты или приверженцы фундаментального ислама, революционеры или анархисты, то кто?

Дядя Николас успокоился и производил впечатление солидного и авторитетного менеджера, каковым и был в действительности. Но в глазах у него искрился страх.

– Это я и хочу выяснить, – сказала Ксения, – и надеюсь, что вы мне поможете. Мне точно известно, что взрывное устройство не могло попасть на борт самолета моих родителей по определению, – и тем не менее эксперты обнаружили следы пластиковой взрывчатки и часового механизма.

Тетя Агата приглушенно вскрикнула и распахнула большой веер из павлиньих перьев. Медленно обмахиваясь, она произнесла:

– Это так ужасно! Кто бы мог подумать, что какой-то безумец или группа умалишенных лишат жизни моего брата и его супругу! И куда только смотрела служба безопасности!

– Я не думаю, что это сумасшедший убийца-одиночка или группа террористов, – произнесла тетя Сильвия. – У сего преступления должна быть совершенно иная подоплека.

– На что ты намекаешь? – взвилась тетя Ингрид. – Сильвия, что ты вообще понимаешь в преступлениях! Твой удел – копать в чужой черепной коробке и потрошить мозги! Вне всяких сомнений, бедные Макс и Вера стали жертвами преступления по политическим мотивам!

Дядя Лукас разразился неприятным гортанным смешком и спросил:

– Но если это так, моя дорогая, то почему ни одна из этих самых террористических группировок до сих пор не взяла ответственности за это деяние? Они же любят шум в прессе вокруг своих преступлений, реальных и вымышленных, зачастую приписывают своему коварному уму даже те теракты, которых не совершали, – дьявол, как известно, соблазняет человека тщеславием. За право взять на себя ответственность за взрыв самолета, в котором погибла Великая княгиня Бертранская Клементина несколько лет назад, соревновалось несколько группировок ближневосточных террористов. А со дня исчезновения Макса и Веры прошло едва ли не семнадцать лет, но – ни гу-гу! Никто из этих политических отщепенцев и не пытался заявить, что их смерть – террористический акт.

– Что ты хочешь этим сказать? – вмешался кузен Рудольф.

Молодой человек покраснелся, и Ксения заметила, что он до чрезвычайности похож на собственного отца: та же бескомпромиссность, уверенность в собственной правоте и беспардонный тон.

– Дядя, ты что, всерьез веришь, что это сделали не террористы? Ты извращаешь правду!

Дядя Лукас хищно улыбнулся и заметил:

– Дорогой племянник, а тебе что, ненароком известна эта самая правда?

Рудольф так и остался сидеть с раскрытым ртом, зато его мамочка, тетя Ингрид, танком пошла в наступление. Ксения давно заметила, что ее кузен, до ужаса похожий на дядю Николаса, во всем полагается на свою матушку. Несмотря на то что ему было почти двадцать семь, он безоговорочно слушался Ингрид, а она, стоило над головой ее чада стукнуться грозовым тучам, немедленно бросалась в бой с единственной целью – растерзать противника, который посмел обидеть ее сына. Так было и в детстве, когда тетя Ингрид самолично хлестала по лицу карапузов, которые пытались отколошматить ее заносчивого и занудного Рудольфа, так было и позже: в школу сынулю доставлял огромный черный лимузин, и подросток, перед тем как отправиться в стан к врагам (у тети Ингрид все, кто был не согласен с ее мнением, причислялись к категории врагов), целовал мамочку, а та давала ему наставления. Даже поступив в частный университет (тетя Ингрид не решилась отпустить свое чадо за границу, а предпо-

чла, чтобы Рудольф изучал юриспруденцию в Эльпараисо), он всегда и во всем полагался на мамочку. Ксения жалела кузена, но понимала, что тот и дня не проживет без распоряжений Ингрид и ее опеки, сделавшей из молодого человека раба ее представлений.

– Лукас! – зычным голосом провозгласила тетя Ингрид. – Рудольф совершенно прав – правда известна всем уже семнадцать лет! И то, что теперь вдруг выясняется – самолет Макса и Веры был взорван, ничего не меняет! Это – деяние террористов!

– Быстро же ты вынесла окончательный вердикт, – вставила тетя Сильвия. – Следствие только началось, а ты, Ингрид, уже нашла виновных!

– Следствие, какое следствие? – прошептала тетя Агата. Она теребила сердоликовое ожерелье, обвивавшее ее морщинистую шею. – Разве будет следствие, дорогая моя?

Ксения с готовностью ответила:

– Я уверена, что в наших интересах докопаться до истины, ведь так? Тем более, от моего мнения ничего не зависит – прокуратура республики уже открыла дело по факту убийства моих родителей.

– Слава богу! – воскликнула кузина Эрика. – Я не сомневаюсь, что этих мерзавцев в ближайшее время поймают! Они наверняка оставили массу улик!

– Не забывай, что прошло почти семнадцать лет, – сказала тетя Сильвия. – Так что рассчитывать на успех расследования сложно.

– Ах, как жаль, – заявила тетя Ингрид насквозь фальшивым тоном. – Но, я уверена, следователи приложат все усилия, чтобы найти этого негодяя! Он заслуживает смертной казни!

Она произнесла это с таким выражением лица, как будто сама была готова растерзать человека, подложившего в самолет родителей Ксении бомбу.

– Чтобы содействовать установлению истины, я решила помочь следствию, – продолжила Ксения. Дядя Николас живо поинтересовался:

– И ты хочешь, чтобы мы оказали прокуратуре всемерную поддержку? Ну конечно, конечно! Они могут спрашивать нас обо всем, что им понадобится!

– Я знала, что вы не откажетесь помочь мне, – продолжала Ксения. – Но это еще не все.

– Только не говори, что тебе известны какие-то страшные подробности смерти Макса и Веры, – попросила тетя Агата, закрывая глаза. – Как только я себе представлю, что они попали в огненное inferно, что им пришлось мучиться и страдать...

Ксения прервала ее:

– Эксперты сказали, что родителям не пришлось мучиться. Взрыв произошел на достаточно малой высоте, самолет спикировал вниз, в джунгли, от удара пилота выбросило наружу через стекло, вернее, ему оторвало голову...

– Ах, какая жуть! – прошептала Эрика и вцепилась в локоть матери, которая, зажмурившись, замерла на стуле.

– Родители погибли еще до того, как самолет соприкоснулся с землей. Но не в этом дело. Я поручу частному детективу провести расследование гибели мамы и отца.

– Частный детектив? – с постной миной протянул дядя Николас. – Но дорогая, я прекрасно знаю подобных типов – они высасывают из клиентов бешеные деньги, а потом пишут в отчете, что никаких новых фактов найти не удалось.

– Согласна, это далеко не самая лучшая идея, – поддержала его тетя Ингрид. – Доверься следователям из прокуратуры, Ксения, зачем тебе терзать себя несбыточными надеждами!

Дядя Лукас усмехнулся:

– А я вот считаю, что Ксения права. Эти молодчики умеют вытрясать из людей правду. В особенности если им хорошо заплатить, тогда они и черта из преисподней достанут. Муж одной дамочки, с которой я как-то развлекался, нанял частных детективов, те сделали наши фото в пикантных позах – супруг затеял бракоразводный процесс и оставил эту особу без гроша! Могу тебе порекомендовать кое-кого...

– Мне тоже кажется, что твое решение – разумное, – подала голос тетя Сильвия. – Но скажи, на что именно ты рассчитываешь?

Ксения вздохнула. Она с самого начала хотела сказать это, но ей не хватало смелости. Момент настал, и она должна рассказать им все без утайки.

– Я не думаю, что в смерти моих родителей повинны террористы, – произнесла она. – У террористов не было никаких причин желать их смерти, да и пронести в самолет бомбу было бы невероятно сложно для подобных типов.

– Не забывай, самолет твоих родителей потерпел крушение, когда они возвращались из Каракаса, а все знают, что в этой Венесуэле полно пройдох и жуликов, – тоном знатока заявил дядя Лукас.

– Тебе лучше знать, – язвительно вставила тетя Ингрид.

Эрика прыснула, а дядя Лукас возвел к потолку глаза, демонстрируя всем, что не желает комментировать нетактичное замечание своей золовки.

– Вот именно поэтому я и решила обратиться к частному детективу, – сказала Ксения. – Он, я уверена, разберется в том, кто... кто стоит за этим преступлением. Я хочу, чтобы человек, который виновен в том, что я потеряла отца и маму в возрасте восьми лет, понес заслуженное наказание.

В Круглой гостиной возникла пауза. Ксения медленно обвела взором каждого из собравшихся.

– А это значит, что убийце светит, по всей видимости, смертная казнь, – ласковым тоном ввернул дядя Лукас. – В Коста-Бьянке убивают различными способами, так что данного субъекта могут и расстрелять, и отправить в газовую камеру, и сделать ему смертельную инъекцию... Хотя, на мой вкус, лучше старого проверенного метода – электрического стула – ничего нет!

– Лукас, прекрати! – взвизгнула тетя Агата. – Ты всегда, даже в детстве, был крайне нетактичным и бесчувственным. Я помню, как ты засовывал в коробочку жуков или гусениц, поджигал их и с восторгом следил за тем, как несчастные насекомые корчатся в пламени. Ты был тогда маленьким садистом, а со временем превратился в садиста большого!

– А еще я любил пробираться на живодерню, куда отправляли старых лошадей, – поддакнул дядя Лукас. – И знаешь, сестренка, что с ними там делали...

– Не желаю слушать! – завопила тетя Агата. – Ах, Ксения, и почему ты заставляешь меня выслушивать мерзости, которыми потчует нас Лукас!

Ксения попросила дядю Лукаса повременить со своими детскими воспоминаниями.

– Ну хорошо, – с ехидной улыбкой ответил тот. – Но учти, Агата, когда захочешь, я могу в подробностях рассказать тебе о том, как однажды наткнулся в нашем загородном поместье на гнездо крысы-землеройки. Я раскопал его, а там – дюжина новорожденных, слепых, розовых детенышей. О, я был весьма изобретателен, когда уничтожил этих тварей!

– Ты недалеко ушел от нашего отца, – сказала тетя Сильвия.

Ее фраза стерла с лица дяди Лукаса глупую улыбку. Упоминание Алекса-Стефана, сына Ксении-старшей, было в семействе Сан-Дonato табу.

– На что ты намекаешь? – прошептал дядя Лукас, уставившись на сестру.

– Я не намекаю, а открыто заявляю, что ты унаследовал испорченные гены, – произнесла тетя Сильвия, выдержав змеиный взгляд брата. Тот, убрав ноги со стола, пробормотал крепкое ругательство.

– Похоже, на всех нас лежит семейное проклятие, – подхватила Ксения. – Я уже сказала, что не верю в причастность неких мифических террористов к гибели моих родителей. Убей они их, это не стало бы ни для кого секретом, бородастые личности с сумасшедшими идеями непременно воспользовались бы фактом уничтожения «семейки узурпаторов» в своих целях и раструбили о своем «героическом акте» по всему миру.

– Но если не они, то кто? – пробормотала Эрика. Кузина уставилась на Ксению: – Кто? Ксения ответила:

– Я думаю, что это... что это – семейное дело.

– Что? – воскликнул, поднимаясь из-за стола, дядя Николас. – Ты смеешь бросать нам в лицо обвинение в том, что мы причастны к смерти твоих родителей? Ксения, в своем ли ты уме?

Ксения знала, что ее слова вызовут бурю.

– Я не желаю выслушивать эту чушь! – Тетя Ингрид, схватив Рудольфа за рукав, потянула его к двери. – Всего наилучшего!

– А чего вы боитесь? – заявил дядя Лукас. – Если у вас совесть чиста, то вам не следует опасаться карающего меча правосудия. Или, братец, тебе и твоей скандинавской женушке есть что скрывать?!

Дядя Николас подскочил к брату и, воздев кверху кулаки, разразился проклятиями. Тот неспешно поднялся со стула, поправил дяде Николасу галстук и произнес:

– Николас, ты так и не освоил, несмотря на все свои старания, элегантный «виндзорский» узел. Впрочем, это или дано, как мне, или нет – как в твоём случае! Ты разве забыл, братец, как я колотил тебя в детстве, хотя намного младше тебя? Тебе знатно доставалось! И если хочешь, то я могу повторить это снова. И прямо сейчас!

Тетя Агата закудаhtала, пытаясь успокоить братьев. Дядя Николас стряхнул руку брата со своего горла и процедил:

– Ты, ничтожество, которое не работало ни дня в своей никчемной жизни, ничтожество, которое только и знает, что напиваться вдрызг, нюхать кокаин и спускать деньги на шлюх, ничтожество, которое не заслужило права носить фамилию Сан-Дonato, не смеешь мне угрожать! Или ты думаешь, что я не смогу постоять за себя?

Дядя Николас оттолкнул брата и зашагал к выходу. Дядя Лукас каркнул:

– Что, строишь из себя честного и правильного? А сам обворовываешь Ксению! Мошеник и вор – вот ты кто!

Тетя Ингрид ахнула и удержала за рукав дядю Николаса, который намеревался вернуться к брату и покарать его за нанесенное оскорбление.

– Не понимаю, почему слова Ксении вызвали такой резонанс, – сказала тетя Сильвия, единственная, кто остался сидеть в расслабленной позе на стуле. – Если никто из присутствующих не может упрекнуть себя в смерти ее родителей, то нет смысла возмущаться. Или...

Она намеренно не завершила фразу. Эрика, едва не хныча, воскликнула:

– Тетя, как вам не стыдно! Вы что, на стороне Ксении с ее облыжными обвинениями или дяди Лукаса с его дурацким поведением?

– А ты на чьей стороне, дорогая? – Тетя Сильвия одарила племянницу белозубой улыбкой. – Я почему-то думала, что все заинтересованы только в одном: выяснить правду. Но теперь вижу, что это не так. Поэтому делаю первый шаг и призываю всех других последовать ему. – Тетя Сильвия грациозно поднялась и сказала: – Я заявляю, что не имею никакого отношения к взрыву, который унес жизни Макса и Веры.

– Ты еще на Библии поклянишься! – прокватиала тетя Ингрид.

Тетя Сильвия подошла к Ксении, обняла ее и сказала:

– Понимаю, что у тебя нет оснований верить моему заявлению, но, клянусь, я любила Макса и Веру, поэтому у меня не было ни малейшей причины желать им смерти. И я полностью поддерживаю тебя, дорогая, в том, что касается идеи с частным детективом. Параллельное расследование не помешает, и то, что прокуратура упустит или на что не обратит внимания, отыщет именно он! И я уверена, что организатор убийства моего брата и его жены понесет заслуженное наказание, причем весьма скоро. Все же семнадцать лет – слишком долгий срок, и ждать дольше нельзя.

– Спасибо, – прошептала Ксения.

– А вы? – продолжила Сильвия, обращаясь к прочим родственникам. – Готовы ли вы здесь и сейчас поклясться, что не имеете отношения к гибели Веры и Максимилиана? Или только я готова к этому?

Тетя Агата ответила дрожащим голосом:

– Сильвия, не понимаю, чего ты этим добиваешься! Но мне не в чем упрекнуть себя! И как ты могла подумать, что я причастна к этому ужасному преступлению! И вообще, я была в тот день здесь, в Эльпараисо, и ни при каких обстоятельствах не могла подложить бомбу в самолет, который летел из Венесуэлы!

– Ах, как трогательно! – расхохотался дядя Лукас. – Агата, как обычно, разыгрывает из себя особу, которая и мухи не обидит! И почему ты решила, сестренка, что тот, кто подложил бомбу, должен был непременно находиться в Венесуэле? Насколько мне известно, никто из нас в то время не был в Каракасе. А ведь самолет взорвался!

– Это лишний раз доказывает, что мы не имеем к этому трагическому событию ни малейшего отношения, – произнес Рудольф, и мать одарила его одобрительным взглядом, в котором можно было прочесть: «Какой ты умный, мой мальчик!»

Дядя Лукас хмыкнул:

– Если это что-то и доказывает, племянничек, то только следующее: убийца – или убийцы – были чрезвычайно изворотливы. Они что, положили бомбу с часовым механизмом на видное место, где-нибудь между чемоданом с тряпками Веры и саквояжем с бумагами Максимилиана? Доведись мне совершить подобное преступление, я бы запихнул бомбу подальше от любопытных глаз.

– А что, дядя, вам доводилось совершать преступления? – парировал Рудольф.

Дядя Николас хохотнул и сказал:

– Молодец, Руди! Этот старый наркоман наверняка готов за пару лишних миллионов перерезать глотки всей семье. Если кого и стоит подозревать, так это его!

– Но как же некто, не находясь в Венесуэле, мог подложить бомбу в самолет? – спросила Эрика.

Дядя Лукас просветил ее:

– О, я уверен, что убийца мог бы сообщить нам массу интересного, но ведь он будет молчать, пока его не припрут к стенке. Его или ее. Или, скорее всего, их, так ведь, братик?

Он с вызовом посмотрел в сторону дяди Николаса и тети Ингрид.

– Учти, еще одно подобное замечание, и ты заплатишься за это! – прошелестел, серея лицом, дядя Николас. Его борода воинственно торчала, а трубку он зажал в кулаке, как кинжал.

– И что произойдет тогда, братец? – продолжал издеваться дядя Лукас. – Я вернусь в свою квартиру, сяду на унитаз – и бамс, в самый ответственный момент, когда я спущу воду, сдетонирует спрятанная тобой в бачке нейтронная бомба? – Дядя Лукас победоносно оглядел всех, кто находился в Круглой гостиной, и сказал: – Тебе нужна моя клятва, Ксения? Ну, изволь – хотя у меня никогда не было особенно теплых отношений ни с твоей матерью, ни с твоим отцом, но я и не думал их убивать.

– Так я тебе и поверил! – процедил дядя Николас.

– А что с тобой, старый плут? – ответил дядя Лукас. – Или ты предпочитаешь оставить нашу прелестную племянницу, которая, кстати, унаследует скоро все миллиарды, без ответа? Я бы так хотел, чтобы ты признался в том, что убил Макса и Веру: обещаю, я буду навещать тебя в тюрьме на Рождество и приносить завернутый в салфетку кусочек кремowego торта и судок с жареной бараниной в чесночном соусе. Твоим сокамерникам такой аромат понравится!

Лицо дяди Николаса налилось кровью, он задрожал. Вместо него ответила тетя Ингрид:

– Ксения, ты, неблагодарная девчонка, хочешь от нас каких-то признаний? Если бы не мы, то ты скончалась бы от горя! Я была всегда рядом, утешала тебя, Руди вместо того, чтобы делать уроки, играл с тобой...

– Ага, таскал несчастную племянницу за косы и талдычил про порнофильмы, – вставил дядя Лукас, но тетя Ингрид сделала вид, что не услышала этого замечания.

– ...и теперь мы вынуждены выслушивать твои обвинения и гадкие слова этого опустившегося человека, – она указала пальцем, на котором переливался крупный бриллиант, на дядю Лукаса. – Так и быть, я сделаю это! Но запомни, настанет момент, когда ты поймешь, что была к нам несправедлива. И знаешь, когда этот момент наступит? Когда этого друга распутных девиц, который имеет несчастье быть братом моего драгоценного супруга, арестуют. Если кто и совершил мерзкое преступление, так это Лукас! – Тетя Ингрид, сверкнув глазами и полыхнув бриллиантом, отчеканила: – Ни мой муж, ни я сама, ни, разумеется, мой сын, которому в то время не было и десяти лет, не имеем ни малейшего отношения к взрыву бомбы, унесшему жизни твоих несчастных родителей. Ты довольна?

– На твоём месте, дорогая племянница, я бы провел тест на детекторе лжи, – заметил дядя Лукас. – Знаешь, если прицепить к Николасу все эти капельницы и клизмы, пустить по ним высокочастотный ток и задать пару вопросов – то кривая осциллографа пойдет вверх. И чем больше он будет врать, тем круче будет загогулина.

Тетя Сильвия внимательно посмотрела на Ксению и сказала:

– Я думаю, что наша семейная встреча закончилась. Но мне кажется, что ты хочешь еще что-то сказать, ведь так?

Ксения выпалила:

– Я благодарна вам за то, что вы согласились помочь следствию.

– Еще бы, откажись мы, нас заковали бы в наручники и доставили в полицейский участок, – хихикнул Рудольф.

– ...я рада, ведь каждый из вас поклялся, что не имеет отношения к смерти моих родителей...

– Николас же был сенатором два срока подряд, – ухмыльнулся дядя Лукас. – Врать научился, как сивый мерин. И ты ему веришь?

Ксения одарила дядю милой улыбкой и завершила:

– Но все дело в том, что один из вас, и я в этом не сомневаюсь, лжет. Лжет тот, кто приложил столько усилий, чтобы лишить жизни моего отца и маму. И поэтому я тоже клянусь – ничто и никто не помешает мне докопаться до правды, даже если для этого придется поставить на карту свою жизнь. Желаю вам хорошего вечера!

И с этими словами, не дожидаясь возобновления перебранки, Ксения вышла из Круглой гостиной.

– Значит, ты так и сказала? – расхохотался Андреас, целуя Ксению. Они находились в огромной спальне, располагавшейся на последнем этаже эльпараисского особняка Сан-Донато.

– Так и сказала, – подтвердила, обнимая его, Ксения. – Мне тебя так не хватало!

Молодой грек, атлетически сложенный молодой мужчина лет тридцати, с черными вьющимися волосами, смуглой кожей и серыми глазами, прижал к себе Ксению. Последующие пять минут в спальне не было произнесено ни слова, а тишину прерывали только смех, поцелуи и вздохи.

– Поэтому я решил вернуться как можно быстрее, – произнес наконец Андреас. – Но ты же знаешь, я не мог послать к чертям встречу с группой инвесторов.

– Я знаю, – запустив пальцы в густую шевелюру жениха, произнесла Ксения. Она полулежала на старинной кровати, принадлежавшей когда-то прабабке.

На несколько минут разговоры снова стихли. Наконец Андреас спросил:

– Но для чего ты сделала это, Ксения? Если предположить, что кто-то из милых родственников причастен к гибели твоих родителей, то стоило ли бросать вызов так открыто? Не лучше ли было бы натравить на них частного детектива или даже целую свору частных детективов, которые, не привлекая внимания потенциальных подозреваемых, вывернули бы их прошлое наизнанку? Получается, что ты предупредила того человека, который несет ответственность за гибель родителей, и он заляжет на дно или немедленно уничтожит все улики, если таковые, конечно, остались по прошествии семнадцати лет...

Ксения потрепала Андреаса по уху и ответила:

– Ты, конечно, в чем-то прав, но я заставила его или ее забеспокоиться. Он или она знает: мне что-то известно, и я намерена докопаться до истины. Он или она потеряет сон, потому что в течение последних семнадцати лет убийца ни о чем не беспокоился, и то, что произошло тогда в небе над джунглями, снова заставит его испытать страх. А тот, кто боится, совершает необдуманные поступки и выдает себя.

Андреас привлек к себе Ксению и в восхищении пробормотал:

– Я и не подозревал, что в тебе наличествуют недюжинные задатки инквизитора! Сочувствую твоим родственникам, если кто-то из них виновен, ты непременно это выяснишь.

– Выясню, – ответила Ксения, поцеловав в нос Андреаса. – О нашей семье ходит много легенд, и мало кто подозревает, что большая их часть – не выдумка, а правда. Среди Сан-Донато слишком большое количество убийц...

Ксения вспомнила о проклятии: ее прабабке было сказано, что в каждом поколении ее потомков родится убийца, который будет расплачиваться за грехи, совершенные ею за право обладания изумрудами.

– Ведь так и произошло, – прошептала Ксения.

Андреас поинтересовался:

– О чем это ты?

Ксения ответила:

– Ах, тебе вряд ли нужно это знать...

Она не хотела, чтобы Андреас узнал некоторые неприглядные истории семейства Сан-Донато. Она будет счастлива с ним, и они забудут о том, что было когда-то!

– Я уже говорила с детективом, – сообщила Ксения. – Его мне посоветовала комиссар Николетта Кордеро, ты наверняка слышал о ней. Кордеро – самая светлая голова в Коста-Бьянке, я хотела, чтобы она занялась этим делом, но, к сожалению, она как служащая полиции не имеет на это права.

Андреас зашептал тоном ревнивого мужа на ухо Ксении:

– О, если ты будешь мне изменять с этим детективом, я лишу его жизни!

Ксения чмокнула того в щеку и сказала:

– Шекспировские страсти излишни! Его зовут Мануэль ди Фабио, ему под шестьдесят, у него пятеро детей и несметное количество внуков.

– Так и быть, сделаю вид, что поверил, – пробормотал Андреас и утянул Ксению за собой на ложе.

Несколько минут спустя Андреас вдруг спросил:

– Дорогая, а ты не боишься...

Он замолчал. Ксения ласково спросила:

– Что ты имеешь в виду?

– Ты не боишься, что твои родственники, если их прижать к стенке, прибегнут к опробованному средству? Если судить по тому, что ты рассказываешь...

– Ты думаешь, что кто-то из них, напуганный моей излишней активностью, решится на экстраординарные меры? – улыбнулась Ксения. – Не стоит беспокоиться!

– Но Ксения, – пробормотал Андреас, – не забывай, что некто... некто организовал убийство твоих родителей. И этот некто до сих пор не понес наказания. Вполне возможно, что этот человек – один из твоих милых родичей.

Ксения рассмеялась:

– О, и ты думаешь, когда я приближусь к разгадке тайны, этот человек... Нет, я так не думаю!

– Прошу тебя, будь осторожна, – произнес Андреас умоляющим тоном. – Я не хочу, чтобы кто-то из них причинил тебе вред.

– Этого не будет! – с поспешностью ответила Ксения. – Еще немного, дорогой, и я войду в права наследства и смогу официально возглавить изумрудную империю, которая вскоре станет нашей!

Андреас нежно поцеловал Ксению и пробормотал:

– Знаешь, у меня появилась мысль, что...

– Что ты задумал? – сказала Ксения игриво, и ее рука пробежала по груди жениха. – А ну-ка, отвечай!

– Я подумал, для чего нам ждать еще несколько месяцев? – продолжил Андреас. – Я так люблю тебя, дорогая, так почему бы нам не заключить брак как можно скорее?

– А как же подготовка, – Ксения и не пыталась скрыть, что предложение Андреаса ее восхитило. – Гости, прием, венчание в церкви, мое платье, в конце концов... Нам нужно разослать не меньше полутора тысяч приглашений, чтобы весь эльпараисский бомонд мог лицезреть, как я становлюсь твоей женой!

Андреас заявил:

– О, и зачем все это нужно, дорогая? Я бы предпочел скромную свадьбу без всякой помпы на берегу океана – только ты, я и представитель закона, который объявит нас мужем и женой! Понимаю, что, если о наших намерениях станет известно, это вызовет ажиотаж в прессе. Но ведь мы можем скрыть это от всех! Никому не нужно знать, что мы поженились, пускай все по-прежнему думают, что наше бракосочетание грядет!

– Отличная идея, – похвалила Ксения. – И, клянусь, ты заслуживаешь поощрения, о мой будущий муж. Значит, ты думаешь, что мы можем удрать из столицы на несколько часов...

– Именно так! – воодушевился Андреас.

Ксения почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы. Она полюбила Андреаса в тот момент, когда увидела его на приеме в греческом посольстве. Их роман был скорым и искрометным. Андреас, отпрыск одной из самых богатых семей Греции, был пленен ее красотой и признался тем же вечером, в саду посольства, что любит ее. Она сочла это дерзкой выходкой и плохой шуткой и побоялась ответить ему, что испытывает такие же чувства. Он оказался настойчивым, и Ксения поняла, что Андреас – тот человек, которого она искала. Она любила его, он обожал ее, и, кроме всего прочего, он обладал великолепным талантом бизнесмена, и Ксения поручала ему заключать наиболее важные сделки.

– Представь себе, – Ксения закрыла глаза и почувствовала, что губы Андреаса прикоснулись к ее шее, – бескрайний бирюзовый океан, волны которого мерно ударяют о берег... Берег, сверкающий под лучами заходящего солнца, белый, усеянный пестрыми ракушками песок... Вдалеке – джунгли... Это – наш с тобой рай!

Ксения почему-то вспомнила совсем другое – ей представились длинные зеленые лианы, оплетавшие остов самолета, в котором покоились останки ее родителей... Ей сделалось страшно. Она открыла глаза и сказала:

– Андреас, прошу тебя, обними меня!

– Да ты вся дрожишь! – воскликнул грек. На его лице появилось заботливое выражение. – Ты думаешь о родителях? Ну конечно, как я мог забыть! Извини меня, дорогая! До того, как мы поженимся, состоится...

Он смолк. Ксения прошептала:

– Состоится церемония похорон. Я никак не могу привыкнуть к тому, что они мертвы. Все эти годы я надеялась вопреки всем разумным доводам: они остались в живых, они рано или поздно вернуться... И вот теперь я знаю, что они не вернуться никогда.

– Бедная моя девочка! – Андреас прижал ее к себе. – Конечно же, мы повременим со свадьбой. Иначе это станет для тебя слишком большим испытанием. Должно пройти время, и ты забудешь обо всем плохом!

– Нет, я никогда не забуду! – с горечью проговорила Ксения. – И менять наши планы мы не будем. Ты нарисовал такую заманчивую картину – именно так мы и сделаем! Я не хочу дорогой и ненужной свадьбы с тысячами приглашенных и подвенечным платьем весом в десять килограммов с кружевами и жемчужинами.

Андреас в восторге воскликнул:

– Это значит, что ты согласна?

– Я согласна, – подтвердила Ксения. – Мы сбежим ото всех в провинцию и поженимся на берегу океана, как ты того и хочешь.

– Великолепно! – проговорил грек и осыпал Ксению поцелуями.

– Но когда я познакомлюсь с твоими родителями? – спросила она. – Ты же обещал, что это произойдет до бракосочетания. Иначе получится неловко: они узнают о существовании своей невестки только после свадьбы. Да и наверняка они уже прочитали о нашем романе в газетах...

Андреас огорченно пробормотал:

– Мой отец – очень сложный человек, он ненавидит всяческие сборища и праздники, держит семью в ежовых рукавицах. Его единственная цель – строить танкеры. Ты не поверишь, но он, владелец огромного состояния, проводит с утра до позднего вечера на верфях, где лично контролирует весь процесс постройки кораблей. Я с ним не в очень хороших отношениях, я, младший сын, всегда был для него бельмом на глазу. Он непременно хочет, чтобы я занялся семейным бизнесом, но мне это претит.

Грек задумался, а потом добавил:

– Но тебе не стоит беспокоиться, моя дорогая. Я найду способ убедить его и маму прилететь из Афин в Эльпараисо. Они, я знаю, будут рады, что ты станешь их невесткой! А когда у нас появятся дети, отец смирится с тем, что я не буду, как он, пропадать круглые сутки на верфях!

– Мой несчастный мальчик, – произнесла с сочувствием в голосе Ксения. – Ты абсолютно прав – согласно завещанию родителей, я смогу получить право распоряжаться состоянием в тот день, когда мне исполнится двадцать пять или когда я выйду замуж.

– А твои родственники с ужасом ждут этого момента, – добавил Андреас. – Еще бы, ведь после того, как ты станешь полноправной владелицей изумрудной империи, они превратятся в статистов. Пока еще они могут принимать решения, не заботясь о том, согласна ли ты с ними или нет. Меня совсем не удивляет, что кое-кто из них очень не хочет расставаться с многолетними привилегиями и боится финансовой проверки, которую ты непременно устроишь...

– Значит, – произнесла Ксения, – через пару недель, когда все проблемы будут решены, мы поженимся. И знаешь, что я хочу сказать тебе?

Она замолчала. Андреас заговорщически подмигнул ей и сказал:

– Думаю, я знаю, дорогая. То же самое я хочу сказать и тебе! Я тебя люблю!

– Надо же, какой ты проницательный! – расхохоталась Ксения и ущипнула Андреаса за бок.

– Эй, мы так не договаривались! – воскликнул он. – Как ты можешь нападать на беззащитного мужчину! Эй, перестань!

Он схватил ее и поцеловал. Ксения в блаженстве прошептала:

– Ты угадал, мой южный принц! Кстати, это именно те самые слова, которые я хотела сказать тебе!

3 октября

Черный лимузин с тонированными окнами бесшумно затормозил перед президентским дворцом. Андреас быстро поцеловал Ксению и признался в восхищении:

– Дорогая, я убежден, что ты будешь самой красивой дамой на этом приеме!

– Охотно верю, – сказала Ксения с улыбкой. – Но не думаю, что тебе стоит говорить об этом вслух, а не то именинница обидится!

Дверь лимузина услужливо распахнул подоспевший шофер, Андреас первым шагнул на темно-синюю ковровую дорожку, которая тянулась с улицы по мраморной лестнице в несколько пролетов ввысь, к входу в резиденцию главы республики.

Засверкали фотовспышки, Андреас, облаченный в элегантный черный смокинг, улыбнулся. Он знал, что с тех пор, как о его помолвке с Ксенией Сан-Дonato стало известно прессе, за ними ведется настоящая охота. Репортеры караулят около особняка и здания корпорации, а стоит им пронюхать, что красивая наследница миллиардов и ее греческий жених появятся на том или ином приеме, как количество аккредитованных писак неминуемо увеличивалось в три раза. Андреас был в курсе, что все эти алчные людишки с камерами в руках собрались не ради него, а ради нее.

Христополус подал Ксении руку, щелчки камер стали нестерпимыми, и ему показалось, что время повернулось вспять и солнце, ушедшее за горизонт час назад, снова воссияло на небосклоне – таким ярким был блеск вспышек.

Лучезарно улыбаясь, Ксения предстала перед представителями прессы. На следующий день в газетах на первой странице появятся статьи о праздновании дня рождения супруги главы государства Алекса Коваччо Изабеллы, которая и сама несколько лет назад занимала этот пост, но сделала выбор в пользу тихой семейной жизни и воспитания детей. Ксения подозревала, что многие газеты опубликуют не фотографию первой леди (истерия вокруг Изабеллы превратилась в Коста-Бьянке в своеобразный культ), а изображение юной миллиардерши из рода Сан-Дonato.

Под руку с Андреасом Ксения прошествовала к лестнице. Темно-синий был ее любимым цветом. Шелковое платье именно такого оттенка облегло ее безупречную фигуру. Вот только украшений Ксения терпеть не могла – в особенности изумрудов. Пускай эти камни и сделали их богатыми и всемогущими, но они принесли им несчастье.

– Сеньора Сан-Дonato, прошу вас, всего один снимок! – раздалось сразу несколько голосов.

Андреас прошептал:

– Дорогая, они просят, чтобы мы им позировали. Или ты не хочешь?

Ксения пошла навстречу просьбам журналистов и позволила им сделать снимки, на которых она была запечатлена рядом с сияющим Андреасом.

– Сеньора Сан-Дonato, когда состоится ваша свадьба? – воскликнул кто-то.

– Вы же знаете, в конце года, – ответила Ксения с шаловливой улыбкой.

– Если бы они знали, что мы намереваемся заключить брак уже через неделю, – прошептал Андреас. – При чем ни один журналист не будет на ней присутствовать. – Ксения расхохоталась. Это вызвало лавину щелчков фотовспышек.

Андреас связался с мэрией глухого провинциального городка, расположенного в отдаленном штате у самой границы, и уладил все формальности. Фамилия Сан-Дonato не произвела на градоначальника ни малейшего впечатления, и Андреас потом сказал Ксении (чем ранил ее самолюбие), что старик наверняка и понятия не имеет, кто такие эти Сан-Дonato.

– Это нам только на руку, – заметил Андреас. – Старик не продаст сенсацию журналистам, и нас не будет ожидать неприятный сюрприз: вместо тихой и скорой свадьбы на берегу Атлантики нас караулят орды понаехавших из Эльпараисо репортеров.

Помахав журналистам, не подозревающим, что их обвели вокруг пальца, Ксения поцеловала Андреаса. На молодую пару опять обрушился яркий свет фотовспышек.

– Нам пора, – произнесла Ксения, обращаясь к журналистам, которые жадно ловили каждый ее жест. – Господин президент и его супруга ждут нас. Мы, к сожалению, немного припозднились...

Приехать уже после начала приема было идеей Андреаса. Ксения, если и навевывалась на подобные мероприятия, прибывала всегда в срок, но грек предложил ей заставить всех ждать.

– Но нас пригласил президент республики! – возразила Ксения.

Андреас только пожал в ответ плечами:

– И что из этого? Я уверен, что половина приглашенных будут жаждать одного – вовсе не очаровательной сеньоры Изабеллы, а нашего появления. Так что заставим их немного помучиться!

Ксения не могла не признать, что Андреас прав. Она в который раз убедилась: ее избранник умеет выдавать потрясающие идеи. Она знала: после того, как они поженятся и Ксения будет единовластной хозяйкой корпорации по добыче и переработке коста-бьянских изумрудов, Андреас станет ее вице-президентом. И вместе они добьются очень многого. Прабабушка Ксения была бы ими довольна!

Ксения и Андреас неспешно поднимались по нескончаемой лестнице. Наконец они оказались перед зеркальными дверями, которые вели в зал для приемов. Подтянутые гвардейцы, одетые в пеструю историческую форму, распахнули двери, пропуская их вовнутрь.

Все взгляды обратились на них. Ксения заметила знакомые лица – банкиры, магнаты, министры, кинозвезды с жадностью уставились на тех, кто рискнул пренебречь церемониалом и опоздал на прием к президенту.

К ним подошел Алекс Коваччо, глава Коста-Бьянки, – моложавый мужчина в безукоризненном вечернем костюме с зеленой лентой на груди и орденом-знаком верховной власти.

– Я очень рад, сеньора Сан-Дonato, что вы приняли мое приглашение, – сказал он приветливо.

Ксения знала, что президент не мог обойти ее вниманием: изумруды уже давно стали одним из основных источников пополнения казны государства. Некоторые шахты принадлежали правительству, но львиная часть добычи изумрудов вот уже больше ста лет находилась в руках семейства Сан-Дonato. Ксения была одним из самых значимых лиц республики. Уже несколько раз президент лично звонил ей и советовался по тому или иному вопросу, связанному с экономическим развитием Коста-Бьянки. На шахтах и фабриках, принадлежавших Сан-Дonato, трудились десятки тысяч человек, и их голоса были очень важны для президента, который хотел баллотироваться на второй срок. Благодаря посредничеству корпорации республике была прощена часть международных долгов и предоставлены новые кредиты на благоприятных условиях.

– Сеньор президент, для меня это огромная честь, – ответила Ксения и добавила: – Разрешите представить вам моего друга и будущего мужа Андреаса Христополуса.

Президент склонил голову и протянул греку руку. Покинув группу гостей, к Алексу Коваччо спешила изящная мулатка в белоснежном платье – его супруга Изабелла.

– Сеньора, – произнесла Ксения, когда Изабелла присоединилась к мужу, – примите мои самые искренние поздравления по поводу вашего дня рождения!

Изабелла, на редкость красивая женщина, слабой улыбкой отреагировала на реплику Ксении. Шею президентши украшало потрясающее кольцо – обрамленный бриллиантами в центре, сиял огромный треугольный изумруд.

– «Звезда Коста-Бьянки», если не ошибаюсь, – заметила Ксения. – Этот камень был найден на шахте Ринальдо Баррейро, самого опасного конкурента моей прабабки. Великолепный экземпляр!

– Вы имеете в виду Ринальдо или камень? – дотронувшись до изумруда, мелодичным голосом спросила Изабелла. – Это ожерелье едва не стоило мне карьеры и жизни...

Ксения вспомнила перипетии судьбы прекрасной Изабеллы. Ей удалось добиться невероятного – она стала первой женщиной, которая заняла пост президента республики. Ксения часто сравнивала ее с собой: среди большого количества коста-бьянских финансовых тузов и промышленных баронов она была единственной женщиной, которая занимала столь высокий пост².

– Но давайте не будем вспоминать о прошлом, – заявил президент Коваччо. – Сеньора Сан-Донато, сеньор Христополус, мы рады приветствовать вас на этом скромном празднике!

Когда президентская чета покинула их, Андреас спросил:

– Дорогая, если этот прием, на котором присутствует не меньше тысячи человек, по мнению президента – скромный, то что же с его точки зрения «шикарный прием»? И вообще, насколько мне известно, бюджет республики находится в весьма плачевном состоянии, так откуда же взялись средства на эту вечеринку?

Ксения заметила:

– Этот праздник спонсировали благодарные представители бизнеса, и я в том числе. На юбилей Изабеллы каждый пожертвовал пару десятков тысяч реалов...

– А сколько же ей исполнилось? – попытался выведать Андреас. – Тридцать? Или сорок? Она, как эльф, не имеет возраста.

– Истина, как известно, лежит где-то посередине, – с лукавой улыбкой произнесла Ксения. – Это – государственная тайна, но Изабелле сегодня исполнилось тридцать пять.

Прием был в самом разгаре. Ксения перебрасывалась ничего не значащими фразами со знакомыми и скучала. Зато Андреас, как она без удовольствия отметила, чувствовал себя в своей тарелке: президент смеялся над его забавными историями уже в течение получаса.

Ксения украдкой взглянула на старинные часы – четверть одиннадцатого, а прием продлится до полуночи. Это значит, что еще почти два часа ей придется провести в президентском дворце. Ксения подумала о погребении родителей, которое было намечено на следующий день: на нем будут присутствовать только родственники. И она никак не могла отделаться от мысли о том, что провожать в последний путь отца и маму будет человек, который организовал их смерть.

Ей стало душно. Андреас продолжал развлекать президента и его супругу веселыми историями из греческой политики. Ксения вышла на балкон, который выходил в сад. Били струи подсвеченных фонтанов, на полночь был запланирован фейерверк в честь именинницы. Ксения оперлась на мраморную балюстраду и ощутила горечь. Она задрала голову и уставилась на темное небо, сиявшее мириадами звезд.

– Сеньора Сан-Донато? – услышала она знакомый голос и обернулась.

Перед ней стоял высокий молодой мужчина. И откуда ей знакомы его дерзкие глаза и мальчишеская усмешка?

– Вы меня не узнаете? – произнес он. – Феликс Разумовский, русский журналист, который недавно брал у вас интервью.

– Я вас узнала, – солгала Ксения.

Ее смутило не то, что она забыла имя этого нахального русского, а то, что она никак не могла выбросить из головы его смазливую физиономию.

² Читайте об этом в романе А. Леонтьева «Хозяйка изумрудного города», издательство «Эксмо».

– Так говорят почти все, сеньора, но не многие помнят меня, – заметил журналист. – Понимаете, профиль моей работы таков, что не привлекать к себе внимание – это благо.

Ксения заявила:

– Это помогает вам пробраться в дом к жертве репортажа под видом разносчика пищи или водопроводчика, сеньор Разумовский?

Феликс улыбнулся, и Ксения отметила, что улыбка у него чрезвычайно сексуальная. И о чем это она думает? Она – без пяти минут замужняя дама, ее жених Андреас всего в паре шагов, а она любезничает с этим русским.

– К сожалению, я занята, – сказала Ксения весьма сердито. И на кого она сердится – на этого прощельгу? Он для нее ничего не значит!

– Разрешите вам не поверить, – заявил журналист.

Ксения задохнулась от подобной наглости.

– Что вы сказали, сеньор Разумовский? – произнесла она, чувствуя, что краска стыда заливает ее щеки. – Я вас правильно поняла?

– Уверен, что правильно. – Феликс снова рассмеялся, и Ксения не могла отделаться от мысли, что этот молодчик наверняка просыпается каждое утро в объятиях новой подружки – вне всяких сомнений, длинноногой пустоголовой модели или третьеразрядной актрисульки. – Я говорю по-испански весьма сносно, – продолжал журналист. – И это, как и стремление к незаметности, еще одно требование моей работы. Знаете, мои родители были известными учеными-лингвистами, крупнейшими специалистами по компаративной лингвистике, в нашем доме, сколько себя помню, постоянно говорили на разнообразных языках. Отец, например, мог начать фразу по-английски, а завершить ее по-итальянски. Мама же отвечала ему русскими междометиями и продолжала по-французски или по-испански. А вот ругались они всегда исключительно по-немецки – язык Гете и Шиллера очень звучно передает негативные человеческие эмоции...

Ксения едко заметила:

– Сеньор журналист, я, безусловно, рада, что вы, оказывается, лингвистический гений, но у меня нет желания беседовать с вами об этом. Всего наилучшего!

Она направилась к двери в зал и, не удержавшись, обернулась и добавила:

– Кстати, передавайте привет своим родителям. Как это по-русски: «доу свиданния»?

– Мои родители умерли, – спокойным тоном ответил журналист.

Ксению бросило в жар. Она хотела отшить верткого журналиста хлесткой фразой, а получилось, что она поступила бестактно и оскорбила его.

– Мне... Мне очень жаль, – произнесла Ксения примирительно. Она вернулась к мраморной балюстраде. Разумовский молчал.

Чтобы сгладить свою неловкость, Ксения сказала:

– Мне действительно очень жаль, сеньор журналист. Боюсь, что это звучит бестактно, но я знаю, что такое потерять родителей...

Журналист, устремив взгляд к звездам, тихо заметил:

– Это был несчастный случай. Моя судьба чем-то похожа на вашу, сеньора Сан-Донато. Мои родители возвращались с международного лингвистического симпозиума в Лос-Анджелесе, и их самолет...

Он замолчал. Ксении внезапно стало жаль русского. Когда-то она была уверена, что только маленькая девочка по имени Ксения может испытывать чувство неизбывного горя и плакать по ночам, думая о родителях. Время показало, что это не так.

– Если вам тяжело, то не надо говорить об этом, – промолвила Ксения. – Я сама предпочитаю не затрагивать эту тему, хотя люди, как вы знаете, чрезвычайно бестактны, причем они более всего бестактны, когда стараются быть тактичными. Сколько раз мне приходилось выслушивать от малознакомых или незнакомых личностей: «Ах, бедная девочка, как тебе не

повезло, ты же – круглая сирота». И каждый норовил при этом погладить меня по голове или потрепать по щечке! И мне приходилось сносить все это – фальшивые соболезнования, натужные улыбки, напыщенные фразы и праздный интерес: а сколько же миллиардов унаследовала эта девчонка? Мне так хотелось закричать, затопать ногами, завизжать или попросту бухнуться на пол и зарыдать, но я ни разу этого не сделала. Если бы подобный фортель выкинула обыкновенная девчонка восьми или девяти лет, это было бы вполне естественно, никто бы не посмел упрекнуть ее. Но я, Ксения Сан-Донато, не имела на это права! Я не имела права разозлиться, прилюдно заплакать или сказать надоевшему лысому старику-министру или сверкающей бриллиантами даме: «Оставьте меня в покое!» Никто не хотел знать, как мне тяжело, зато всем требовалось одно: чтобы я была сильной!

Ксения смолкла, переводя дыхание. Самым близким человеком для нее был Андреас, но даже с ним она не откровенничала на эту тему. И вот она выложила как на духу все, что ее угнетало в течение семнадцати лет, человеку, которого видит второй раз в жизни. Человеку? Да он же журналист!

Ксения прокляла себя и едва не заскрипела зубами от злости на собственную несдержанность – этот русский напечатает ее идущий из глубины души монолог в своем глянцево-журнале или, что еще вероятнее, продаст права на публикацию крупнейшим мировым изданиям, специализирующимся на собирании слухов и сплетен о знаменитостях.

– Вам не стоит беспокоиться. – Феликс, не отрываясь, смотрел в черное небо. – Да, да, сеньора Сан-Донато, вам не стоит беспокоиться.

Он повернулся к ней и улыбнулся. Затем расстегнул смокинг, снял его и, тряхнув несколько раз, заметил:

– Видите, у меня нет с собой диктофона или подслушивающего устройства. Я не намерен использовать ваши слова в каком бы то ни было интервью. Я только поражаюсь, насколько похожи наши истории – после смерти родителей, а мне тогда было пятнадцать, все ждали от меня одного – проявления безграничного мужества. Еще бы, молодой человек не имеет права рыдать или жаловаться на судьбу!

– Это была техническая неполадка? – спросила Ксения. – Я имею в виду – почему... почему лайнер, на борту которого находились ваши родители, потерпел крушение?

– Это был террористический акт, – ответил Разумовский. – Двадцать лет назад еще не было террористической паутины, которая бы оплетала весь мир, теракты совершали безумцы-одиночки или представители крошечных группировок. Так было и в том случае – моим родителям не повезло, что они летели на самолете американской авиакомпании. Некие леворадикальные отщепенцы с Востока решили, что должны покарать Америку за то, что люди в этой стране живут богаче и лучше, чем на их родине. Один из них поднялся на борт лайнера вместе с небольшим, но чрезвычайно мощным взрывным устройством. Он привел его в действие, когда самолет находился над океаном. Разумеется, погибли все. Тел моих родителей так и не нашли.

Ксения, подчинившись внезапному порыву, положила руку на плечо русскому журналисту. Ее поразило, что его голос был совершенно спокоен, и только в глазах сверкало что-то похожее на гнев.

– Гибель моих родителей предопределила выбор моей профессии, – сказал Феликс.

– Завтра состоятся похороны моего отца и мамы, – произнесла Ксения. – Вы же наверняка слышали, что... что самолет с их останками был найден в джунглях. В этом отношении мне повезло больше вашего – если в подобном случае вообще уместно говорить о везении. Я... я приняла решение, что ни один журналист не будет присутствовать на этой церемонии. Но я буду... буду вам благодарна, если вы согласитесь присутствовать на ней. Я думаю, что так должно быть!

На балкон вышло несколько громко беседующих пар, Ксения поспешно отдернула руку. Видели ли они что-нибудь? Если да, то по Эльпараисо поползут слухи – молодая наследница

изумрудной империи любезничает с неизвестным молодчиком, в то время как ее жених находится всего в паре шагов.

– Я обязательно приду, – уверил ее русский, и Ксении показалось, что он хочет добавить что-то еще.

В этот момент на балкон вышел сияющий Андреас. Заметив Ксению в обществе Феликса, он нахмурился.

– Дорогая, президент и сеньора Изабелла ищут тебя, – сказал он, подойдя к Ксении. Его рука легла ей на талию. – А ты, я смотрю, проводишь время в обществе... Мы не имели чести быть представленными друг другу!

Феликс, отвесив легкий поклон, который, как заметила Ксения, был не знаком приветствия, а в большей степени скрытым жестом оскорбления, ответил:

– Сеньор Христополус, скажем так, мы все же знакомы, но только односторонне – я вас знаю, а вы меня нет. О том, что вы вскоре станете мужем самой богатой женщины республики, известно всем и каждому.

– Неужели? – Андреас смерил журналиста холодным взглядом. – Сеньор... как?

– Разумовский, – подсказал Феликс. В его руках мелькнула золотая самописка и крошечный блокнот. Он что-то быстро нацарапал. – Вот, прошу, специально для вас я записал свою фамилию прописными буквами, так, чтобы даже вы могли прочитать и понять ее.

Андреас с преувеличенной брезгливостью отшатнулся от протянутого листка и процедил:

– Вы из Восточной Европы? Герцословак?

– Спешу вас успокоить, я русский, – сказал Феликс с улыбкой.

Ксения с беспокойством наблюдала за внешне вроде бы любезной беседой, которая в действительности походила больше на схватку соперников. Ей еще не доводилось видеть Андреаса в таком плохом расположении духа. Неужели он испытывает чувство ревности по отношению к этому журналисту?

– Правда же, русский! – протянул, словно что-то вспомнив, Андреас. – И чем вы владеете, сеньор... ммм... Рокоссовский?

– Разумовский, – поправил его Феликс. – Эр, а, зе, у, эм, о, вэ, эс, ка, и, и краткое. Или вам еще раз повторить по буквам?

Ксения увидела, как жилы вздулись на шее Андреаса.

– Так вот, сеньор Рассуповский, чем вы, говорите, занимаетесь? Продаете на Запад нефть, гоните природный газ, спекулируете алмазами, толкаете легированную сталь или распродаете по дешевке алюминий? Или чем еще торгуют в вашей заснеженной России? Ах, или, постойте, вы – водочный олигарх! Прибыли в Коста-Бьянку, чтобы прикупить футбольный клуб? Или вы коллекционируете теннисистов? Или чемпионов по гольфу?

– Кертинг, – ответил Феликс, который, казалось, не воспринимал уколов Андреаса и сохранял абсолютное спокойствие. – Моя страсть – это кертинг.

Андреас замолчал, и Ксения поняла, что ее жених попросту не знает, что это за вид спорта. Ей даже стало на мгновение жаль Андреаса. И чего ради он связался с журналистом, которого почему-то принял за русского нувориша!

– Что вы говорите! – произнес с издевкой Андреас. – Так какого рода бизнесом вы занимаетесь, сеньор Рассуповский?

Ксения хотела было вмешаться, но журналист опередил ее. С легкой улыбкой он проговорил:

– Моя сфера – печатные средства массовой информации.

Андреас скривился и произнес:

– Вы владеете газетами и журналами?

– Что-то наподобие этого, – ответил Разумовский.

Ксения вздохнула. Ей не хотелось, чтобы на приеме по случаю дня рождения Изабеллы Коваччо ее жених Андреас сцепился с русским журналистом. Но, кажется, все обошлось.

– А вы, сеньор Христополус? – сказал Феликс. – Каковы ваши бизнес-интересы?

– Вы не слышали о концерне Христополусов, который строит самые надежные в мире танкеры? – снисходительно усмехнулся Андреас.

Вся его поза так и говорила: «Если ты этого не знаешь, то с тобой не о чем говорить!»

– Ну как же, я даже знаком с вашим отцом, – спокойно ответил Феликс. Ксения заметила, что Андреас побледнел. Но почему он так реагирует на эти слова?

– С моим отцом у меня напряженные отношения, – заметил Андреас. Он взял Ксению под руку и сказал: – Было приятно пообщаться с вами, сеньор Разумовский. Но нас ждет президентская чета, так что не обессудьте...

– Ну конечно же, – любезно проговорил Феликс. – Всего хорошего, сеньор Христополус. А с вами, сеньора Сан-Донато, я думаю, мы еще встретимся!

– Не думаю, – вставил Андреас.

Он буквально утащил Ксению с балкона. Когда они оказались в зале, он довольно громко заметил:

– Какой навязчивый тип! И что ему нужно от тебя? Наверняка этот нувориш пытается завязать знакомства в эльпараисской элите, чтобы создать канал для отмывания своих грязных денег. Не удивлюсь, если в действительности он занимается продажей наркотиков или оружия, а скорее всего и того и другого! Отвратительный субъект!

Ксении не понравились слова Андреаса. Неужели он до такой степени ревнует ее к этому журналисту, что готов на все, в том числе и на клевету?

– Пообещай мне, дорогая, что, если он снова попытается заговорить с тобой, ты сразу же дашь ему понять, что не желаешь с ним общаться, – заявил Андреас. Это больше похоже на приказ, чем на просьбу, подумала Ксения.

Она ничего не ответила, а только поцеловала Андреаса. Тот перевел дух и заметил более спокойным тоном:

– Может быть, этот русский – неплохой парень, но он мне не нравится. Слащавая внешность, которая скрывает душу преступника! Уверен, что он связан с русской мафией!

Президент Коваччо и его супруга Изабелла подошли к Ксении и Андреасу. Молодой грек мгновенно забыл о Феликсе Разумовском и возобновил светскую беседу. Ксения, которая стояла рядом, никак не могла выбросить из головы журналиста. Она украдкой обернулась, чувствуя чей-то пристальный взгляд.

Так и есть, русский наблюдал за ней. Подчиняясь внезапному порыву, она извинилась: Андреас с беспокойством взглянул на нее.

– Мне нужно припудрить носик, – прошептала Ксения и скрылась в направлении дамской комнаты. Она покинула зал для приемов и оказалась в пустынном коридоре – стены зеленоватого мрамора, тяжеловесные люстры, старинные доспехи. Феликс не заставил себя ждать. Минуту спустя после того как Ксения оказалась в коридоре, большая зеркальная дверь бесшумно открылась, и показался Разумовский.

– Ваш избранник – весьма нервный молодой человек, – заметил он с усмешкой.

Ксения ответила:

– Но это не помешает ему в скором будущем стать моим мужем.

– Вы уверены, что делаете правильный выбор? – произнес Разумовский.

Ксения с опаской отметила, что журналист оказался так близко от нее, что она слышала его дыхание и могла ощутить тонкий запах его туалетной воды. Сердце Ксении бешено забилося. А что если ревнивый Андреас решит последовать за ней и застанет ее в пустынном коридоре тет-а-тет с журналистом? Или их увидит кто-то из других гостей? Это будет скандал! Ксения Сан-Донато в компании неизвестного красавца накануне собственной свадьбы!

– Что вы хотите этим сказать! – воскликнула Ксения. – Я люблю Андреаса, и...

– Вы его любите? – заметил, изогнув бровь, русский. – Надо же, сеньора, у меня сложилось другое впечатление!

Ксения едва не задохнулась от подобной наглости. Кусая губы, она прошептала:

– Да кто вы такой, чтобы судить об Андреасе свысока? И вообще, не забываетесь, это моя личная жизнь, обсуждать которую я с вами не намерена!

– И тем не менее вы отчего-то делаете это, – с усмешкой продолжал Феликс. – Не означает ли это, сеньора Сан-Дonato, что в глубине души вас терзают сомнения и мучает сакраментальный вопрос: «А стоит ли мне выходить замуж за Андреаса Христополуса?»

Ксения раздраженно ответила:

– Я люблю Андреаса, а он любит меня!

– Ах так, – протянул русский. – Уверены ли вы, сеньора, что, во-первых, вы его любите, а во-вторых, он любит вас?

– Я не понимаю и знать не хочу, на что вы намекаете! – крикнула Ксения. – И вообще, почему только я выслушиваю ваши глупые речи?

Русский улыбнулся и ответил:

– Сеньора Сан-Дonato, увы, я не могу ответить на этот вопрос. И рискну предположить – вероятно, из-за того, что я прав!

Ксения отвесила Разумовскому пощечину. Она надеялась, что это сотрет с его лица самодовольную усмешку, но русский продолжал улыбаться как ни в чем не бывало. Ксения проворчала:

– Сеньор Разумовский, мне очень жаль, я... я не хотела...

Ей представилось, что он напишет в своем журнальчике: «наследница изумрудной империи избивает представителя прессы!».

– Я могу простить вас только в одном случае, сеньора, – сказал журналист, – вы должны сделать мне одолжение!

С этими словами он прижал ее к себе и поцеловал. Ксения заколотила кулачками по груди журналиста, но как только губы их встретились, она прекратила сопротивление. Ей показалось, что поцелуй длился целую вечность.

– Я... Вы... Как вы смеете! – выпалила наконец Ксения, когда Разумовский отпустил ее. – Да вы представляете, что я сейчас сделаю! Я... Я...

– Вы вернетесь к своему темпераментному жениху, который развлекает сеньора президента и его очаровательную супругу Изабеллу, и сделаете вид, что ничего не произошло, – на полном серьезе ответил нахальный русский.

Ксения растерялась. Ей не доводилось сталкиваться с личностями, которые не только не стеснялись собственной наглости, но и гордились ею. Феликс Разумовский, по всей видимости, принадлежал именно к такой когорте.

– Запомните, если вы сделаете это еще раз, то я... – растерянно проговорила Ксения.

Журналист деловито подсказал:

– То вы подадите на меня в суд? Вызовете полицию? И снова ударите меня? Сеньора Сан-Дonato, мне кажется, что вы так возмущены произошедшим по одной причине – вам понравилось!

– Я не желаю больше беседовать с вами! – топнула ножкой Ксения. – Я ухожу.

– Всего хорошего, сеньора, было очень приятно поцеловать вас, – вежливо ответил Разумовский, поклонившись.

Развернувшись, Ксения направилась к зеркальным дверям, но, передумав, изменила направление и быстрыми шагами подошла к журналисту, который с безмятежной улыбкой стоял на прежнем месте.

– Нет, что вы себе позволяете! Почему это я должна уходить отсюда? И вообще, как вы проникли на празднование дня рождения Изабеллы? Сюда приглашаются только...

– ...Сильные мира сего, сливки общества, титаны и гиганты? – проронил журналист. – Вы хотите сказать, что такой букашке, как я, вход в президентский дворец воспрещен?

– Да! – с вызовом ответила Ксения. – Именно это я и хочу сказать, сеньор русский журналист!

– Алекс Коваччо и его супруга Изабелла – мои старые друзья, – проговорил Разумовский с непроницаемой миной, и Ксения не могла понять, правда ли это или очередная шутка. Но что может связывать главу государства и его супругу с этим московским писакой?

– Я оказался здесь с единственной целью – увидеть вас, сеньора Сан-Донато, – сказал Феликс.

– Так я вам и поверила! – нерешительно заметила Ксения.

– Уверяю, так оно и есть, – заявил журналист. – И еще мне кажется, что вы находитесь в опасности.

– В опасности? – переспросила Ксения. – С чего вы взяли? Я более чем счастлива, скоро я выйду замуж и получу миллиардное наследство.

– Поэтому-то вы и находитесь в опасности, – продолжил Разумовский. – Но ваш жених, хочется мне верить, защитит вас. Кстати, он говорил вам, что отец лишил его наследства и не желает больше ничего о нем слышать?

Ксения в изумлении уставилась на журналиста и пробормотала:

– Вы лжете!

– Лжет ваш жених, – заметил Разумовский. – Когда он говорит, что его родители не могут прибыть на вашу свадьбу по каким-то надуманным причинам, то он делает это с одной целью: чтобы скрыть от вас правду. Никто из Христополусов не желает видеть его. Спросите своего суженого, по какой причине. Или пролистайте старые греческие газеты пятилетней давности...

Ксения задумалась. Какой смысл этому русскому сочинять небылицы? Ведь его слова легко проверить. Она так и сделает. Или, лучше всего, напрямую спросит Андреаса!

– Почему вы уверены, что мне грозит опасность? – спросила Ксения.

Разумовский ответил:

– Потому что, сеньора, я это знаю. Кто-то ненавидит вас до такой степени, что желает вашей смерти.

– Что? – Ксения нахмурилась. – Откуда вам это известно? И кто этот тайный недоброжелатель?

Разумовский с усмешкой ответил:

– Вы же понимаете, что как журналист я имею право не раскрывать свои источники информации. Если бы я знал, кто именно, то не стал бы скрывать от вас. Похоже, это первый раз, когда я...

– Когда вы... – повторила Ксения.

– ...Когда я неравнодушен к объекту... своего интервью, – сказал Разумовский.

Ксения обернулась, потому что услышала голоса – зеркальная дверь распахнулась, показались две пышно одетые дамы, которые направились к дамским комнатам. Ксения мило им улыбнулась, делая вид, что поправляет прическу; когда они их миновали, она повернулась к Феликсу со словами:

– Если вы считаете, что сможете...

Но Разумовского нигде не было. Ксения с удивлением посмотрела по сторонам – коридор был нескончаемым, и журналист не мог раствориться в воздухе за те несколько секунд, которые она стояла к нему спиной. Так куда же он делся?

Совсем некстати Ксения подумала о поцелуе. Нет, она ничего не скажет об этом Андреасу. Он не поймет. Все равно она больше никогда не увидит этого русского. И пусть только попытается взять у нее интервью!

– Ксения, где ты пропадаешь! – Раздраженный голос Андреаса заставил ее прийти в себя. Ксения вздрогнула – жених стоял перед ней. – Ну наконец-то, – сказал он более милостивым тоном. – А то ты бросаешь меня и президентскую чету и исчезаешь. Что-нибудь произошло? На тебе лица нет!

Ксения поспешно заверила его:

– О нет, все в полном порядке!

– Ну если так, то мы можем вернуться в зал, – сказал Андреас. Он нежно поцеловал Ксению и спросил: – Ты уверена, что все в порядке?

– Я хочу задать тебе один вопрос, – произнесла Ксения.

То, что сообщил ей Разумовский, никак не шло из головы. Неужели он прав? Но Андреас никогда не говорил о том, что отец лишил его наследства.

Андреас ободряюще улыбнулся и сказал:

– Мне нечего от тебя скрывать, дорогая. Так что ты хочешь знать?

Ксения запнулась:

– Ты говорил, что... – Она не смогла пересилить себя и выпалила: – ...что мы должны пожениться как можно быстрее. Я тоже так считаю! Я не хочу больше откладывать это!

– Как же я люблю тебя, – произнес Андреас и поцеловал ее.

Закрыв глаза, Ксения отдалась наслаждению. Внезапно ее пронзило странное видение – она в объятиях русского Феликса! И почему она думает об этом, когда находится наедине с Андреасом?

– Не будем заставлять президента ждать. – Ксения легонько оттолкнула Андреаса. Они вернулись в зал для приемов. За секунду до того, как тяжелая зеркальная дверь захлопнулась за ней, Ксения обернулась.

Она почему-то надеялась, что увидит в коридоре Феликса. Но там никого не было.

– Все в порядке? – спросил Андреас.

Ксения кивнула и медленно ответила:

– Разумеется, дорогой, все в полном порядке.

Но уверена в этом она почему-то не была.

8 октября

– Сеньора Сан-Дonato, я рад приветствовать вас, – произнес Мануэль Ди Фабио, поднимаясь навстречу важной клиентке. Ксения приложила палец к губам.

– Сеньор Ди Фабио, мы же условились, что вы не будете называть меня по фамилии, – сказала она, с облегчением убедившись, что дверь кабинета за ее спиной закрыта и любопытная секретарша не услышала слов своего шефа.

– Извините, сеньора, – ответил частный детектив. – Но вы можете не беспокоиться, никто не узнает о вашем визите в мою контору!

Накануне вечером Ди Фабио связался с Ксенией. Она оставила ему номер своего мобильного телефона, и он прислал ей СМС. Он сообщал, что получил новые сведения и им необходимо встретиться.

Андреас как раз был в ванной, поэтому Ксения, перечитав два раза послание, ответила детективу, что завтра в три часа дня будет в его офисе. Затем она стерла полученное сообщение и то, которое отправила. Она полностью доверяла Андреасу, но дело, связанное с гибелью родителей, касается только ее одной.

На следующий день она, как обычно, отправилась в небоскреб, где находилась корпорация Сан-Дonato. С собой Ксения, помимо кожаного кейса с бумагами, прихватила небольшую сумку. До двух часов она занималась рутинной – подписывала бумаги, проводила консультации, выслушивала мнения экспертов.

В четырнадцать часов она велела секретарше ни с кем ее не соединять в течение двух часов.

– Разумеется, сеньора Сан-Дonato, – ответила та, выслушав указания начальницы по селекторной связи.

Ксения быстро переделалась – она сняла деловой костюм цвета маренго, вытащила из сумки черное старое платье в горошек, поверх него натянула сиреневый шелковый пиджак с накладными плечами – эти сокровища она обнаружила в углу гардеробной: давно вышедшие из моды, они позволяют ей принять новое обличье.

Волосы, собранные в пучок, Ксения накрыла рыжим париком с длинными вьющимися локонами, затем у зеркала подвела губы пурпурной помадой и скрыла глаза за большими темными очками в пол-лица. Результатом Ксения осталась довольна и в завершение всего водрузила на голову легкомысленную длиннополюю шляпу с несколькими перьями.

Никто бы и никогда не узнал в этой странной, безвкусно одетой особе неопределенных лет Ксению Сан-Дonato, элегантную наследницу изумрудной империи. Ксения отметила, что одежда тети Агаты помогла ей радикально изменить внешность.

Из ее кабинета имелось два выхода – один через дверь, мимо секретарши, а другой – личный лифт, доступ к которому имела только она. Ксения редко пользовалась лифтом, который из подземного гаража доставлял ее на последний этаж небоскреба, где располагался ее кабинет. Она предпочитала подниматься вместе с прочими сотрудниками в большом общем лифте, пройти по коридорам, настроиться на рабочий лад. Ей не хотелось, чтобы за ее спиной шептались о том, что «Ксения совсем зазналась и задрала нос» и «ни с кем не здороваются и чурается своих подчиненных».

Она набрала пять цифр, и стальные двери скоростного лифта распахнулись. Несколько секунд спустя она оказалась в подземном гараже. Как всегда, в тот день к зданию корпорации ее доставил огромный черный «Ягуар», изготовленный на заказ и снабженный тонированными бронированными стеклами. Таково было требование совета директоров, члены которого после гибели родителей Ксении не хотели потерять единственную наследницу в результате несчастного случая или спланированной акции.

Но в гараже к ее услугам было еще несколько автомобилей, которыми она никогда не пользовалась, однако они стояли там «на всякий случай». Ключи от них хранились у самой Ксении, и она остановила свой выбор на серебристом «Мерседесе» старой модели. Автомобиль принадлежал ее отцу, и она никак не могла заставить себя продать его. Автомобиля попроще не было, но это не смутило Ксению – в конце концов, одна из клиенток сеньора Ди Фабио может приехать и на «Мерседесе».

Она распахнула дверцу и опустилась на мягкое кожаное сиденье. Ей показалось, что в салоне витает легкий аромат сигарет. Неужели по прошествии семнадцати лет запах все еще не выветрился? Ее отец часто пользовался этим автомобилем, причем он всегда сам сидел за рулем, не доверяя это шоферу, и одной из его привычек было выкуривать по дороге к зданию корпорации сигарету.

Ксения захлопнула дверь и вставила ключ в замок зажигания. Машины регулярно подвергались техническому осмотру, а их баки были полны бензина. «Мерседес» заурчал и тронулся с места. Ксения подумала, что последний раз отец управлял им за два дня до того... до того, как самолет потерпел крушение.

Она осторожно вырулила из подземного гаража. Несколько лет назад в нем установили автоматическую систему: попасть и, соответственно, покинуть здание можно было только при помощи особой идентификационной карточки и кода – у каждого из сотрудников, в том числе и у нее самой, имелась собственная карточка и личный код.

Ксения вставила в автомат карточку и набрала код, двери подземного гаража медленно открылись.

Бюро Мануэля Ди Фабио располагалось в тихом районе столицы, Ксении потребовалось около сорока минут, чтобы добраться до тенистой улицы со старинными домами, в которых располагались офисы адвокатов, зубных врачей и советников по налоговому праву. Припарковав «Мерседес», Ксения направилась к светло-желтому дому со стрельчатыми окнами. На мгновение она замерла перед вывесками и быстро отыскала то, что ей требовалось: «*Мануэль Ди Фабио, частный детектив – 4 этаж*».

На скрипящем лифте она добралась до последнего этажа и увидела прозрачную дверь. В приемной ее встретила приветливая молодая секретарша. Ксения, как это и было условлено с детективом, представилась «сеньорой Кортес». Она настояла на том, чтобы никто не знал о ее визите к Мануэлю Ди Фабио. Если пресса пронюхает о том, что она наняла частного детектива, то во всех газетах и журналах будет обсуждаться только одно – какие проблемы гложут Ксению Сан-Донато.

– Сеньор Ди Фабио примет вас через несколько минут, – пропела секретарша. – Будьте добры, подождите немного!

Ксения уселась на софу и взяла со столика один из журналов. Так и есть, одна из статей посвящена ей. Несколько ее фотографий в вечерних нарядах, изображения драгоценных камней и аршинный заголовок: «Сладкая жизнь богатой бездельницы». Ксения знала – почти все уверены, что если она красива, богата и знаменита, то ее жизнь представляет собой сказку. Она с любопытством, приправленным легким отвращением, пробежала глазами статью.

Набор старых сплетен, сдобренных глупостями и мифами. Автор доверительно сообщал читателям, что Ксения Сан-Донато меняет любовников, как перчатки, и устраивает в эльпารีสском особняке сексуальные оргии. При этом приводились слова некоего слуги, якобы уволенного из-за того, что молодая хозяйка домогалась его, а он, не желая расставаться с честью и достоинством, отверг ее притязания, за что и потерял место. Имя слуги не называлось, он именовался Диего Р. Ксения наморщила лоб – она не помнила, чтобы за последние годы кто-то из слуг потерял место в ее особняке, да и смазливые молодые люди (а Диего Р., как живописал всезнающий корреспондент, был именно таким) у нее не работали: все те люди, которых наняли ее родители, служили им и ей верой и правдой в течение многих десятилетий.

Статья Ксении понравилась. Ее адвокаты регулярно судились с желтой прессой, которая распространяла небылицы. Владельцы изданий рисковали заработать крупный штраф, однако печатали зачастую обидные статьи: имя Сан-Донато мгновенно увеличивало тираж и приносило прибыль, которая с лихвой компенсировала все денежные наказания.

– Сеньора Кортес, сеньор Ди Фабио ждет вас, – сказала секретарша.

Ксения отложила в сторону журнал (она так и не дочитала откровений «бывшего дворецкого», которого в природе не существовало), запомнила его название и решила, что как только окажется в офисе, поинтересуется у адвокатов, подали ли они иск против автора этой статейки.

– Сеньора Сан-Донато, я рад приветствовать вас, – частный детектив – высокий плотный мужчина с остроконечными, как у Сальвадора Дали, диковинными седыми усами и эспаньолкой приветствовал важную гостью.

Детектив был в черном, в еле заметную красную полоску, костюме-тройке, массивная золотая цепь, на которой болтался забавный брелок в виде серебряного черепа с глазами-изумрудами, шла из жилетного кармашка в карман брюк. Седые волосы Ди Фабио были тщательно зачесаны назад и сверкали бриолином. Он являл собой тип стареющего франта и дамского угодника, но, как знала Ксения, Мануэль был самым толковым частным сыщиком столицы.

– Сеньор Ди Фабио, мы же условились, что вы не будете называть меня по фамилии, – обеспокоенно проговорила Ксения.

Ди Фабио успокоил ее:

– О, скажу вам честно, я знаю много тайн, и все они таковыми и остаются, так что никто не узнает о вашем визите. Прощу вас!

Он предложил Ксении сесть, и она опустилась в кресло около стола детектива и сняла солнцезащитные очки. Она с любопытством осмотрела кабинет знаменитого сыщика – вдоль стены шли полки с книгами, трудами по криминалистике, юриспруденции и медицине. Она заметила несколько рамок с почетными дипломами и вырезками из газет, повествующими об успехах Мануэля Ди Фабио в раскрытии нашумевших дел.

– Сеньора Сан-Донато, я побеспокоил вас из-за того, что вскрылись обстоятельства, о которых я не мог беседовать по телефону, – сказал Ди Фабио. – Вы сами пожелали, чтобы я не навещал вас в офисе...

Ксения подумала, что Ди Фабио не удастся, в отличие от нее, скрыть свою истинную внешность, даже прибегнув к маскараду. А если станет известно, что самый маститый детектив Эльпараисо наносит ей визит, это вызовет кривотолки и подозрения.

– Вы попали на след человека, который организовал убийство моих родителей? – спросила Ксения.

Детектив покачал головой, шевельнул напомаженным усом и ответил:

– Пока нет, сеньора, но это, я уверен, не за горами. Могу доложить вам следующее – я нашел человека, который изготовил взрывное устройство, сдетонировавшее в самолете ваших родителей.

– Не может быть! – воскликнула Ксения. – Сеньор Ди Фабио, да вы же кудесник!

Польщенный детектив пожевал полными красными губами и ответил:

– Сеньора Сан-Донато, это работа, которая позволяет мне зарабатывать грошик на жизнь, а моим клиентам докопаться до истины. Поверьте, это было не так сложно: любая взрывчатка уникальна по своему химическому составу, и, обладая нужными связями, можно установить, каким военным концерном и когда она была произведена. Прогресс не стоит на месте, компоненты взрывных устройств меняются, и то, что двадцать лет назад было во всеобщем употреблении, сейчас забыто. – Мануэль Ди Фабио победоносно посмотрел на Ксению и продолжил: – Так вот, мне удалось установить, что взрывчатка, которой была начинена бомба, что унесла жизни вашего батюшки и вашей матушки, изготавливалась в восьмидесятые годы в Эльпараисо одним в данный момент уже не существующим заводом. Он разорился в начале девяностых.

Эта пластиковая взрывчатка применялась в основном в геологических целях – для взрывов скальных пород или перемещения земляных массивов. Основным и практически единственным потребителем этой взрывчатки была...

Детектив выдержал эффектную паузу, Ксения заерзала от нетерпения.

– ...была корпорация Сан-Дonato!

Ксения ожидала всего что угодно, но только не этого. Она ошеломленно уставилась на Ди Фабио и осторожно переспросила:

– Вы не ошибаетесь?

– Сеньора Сан-Дonato, я никогда не ошибаюсь! – уверил ее детектив, видимо, не страдавший пороком скромности. – Эту взрывчатку закупила корпорация, принадлежавшая вашим родителям. Вам лучше знать, для каких целей она использовалась – вероятно, применялась для добычи изумрудов: строительство шахт, устранение естественных преград...

– И кто-то счел моих родителей такой же естественной преградой, – с горечью констатировала Ксения.

Детектив заметил:

– К сожалению, можно сказать и так, сеньора Сан-Дonato. Однако я продолжу: меня более всего занимало взрывное устройство. Оно было сработано профессионалом высокого класса, и я уверен, что знаю, кем именно. Понимаете, сеньора, моя профессия отличается тем, что я должен знать методы работы преступников всех мастей в нашей стране. И когда я получил сведения о часовом механизме взрывного устройства, то понял, что уже сталкивался когда-то с подобным.

Ди Фабио протянул Ксении папку, в которой находились пожелтевшие вырезки из газет. Она увидела фотографии искореженной машины, от которой остался обугленный остов, пробежала глазами заголовки: «Смерть влиятельного банкира!», «Заказное убийство при помощи взрывчатки!», «Убийца не найден!».

– Возможно, вы слышали о деле Рафаэля Осорио, – пояснил детектив. – В марте 1983 года банкир-миллионер, глава частного кредитного института, после напряженного рабочего дня сел в свой автомобиль, но вместо того, чтобы отправиться домой, отправился в мир иной – взрыв огромной силы разорвал его вместе с шофером и секретарем буквально на мелкие кусочки. От несчастного банкира нашли тогда пуговицы от пиджака, обугленную накладку – Осорио лысел и скрывал это при помощи парикмахерской уловки, и также пару английских ботинок, которые, что удивительно, практически не пострадали в этом ужасном взрыве. Обувная фирма, кстати, потом использовала этот факт для рекламы своей продукции – вот, мол, какую отличную мы делаем обувь, ее даже взрывы не берут!

Усатый детектив рассмеялся, но Ксения сочла его шутку более чем сомнительной.

– Часовое устройство, которое использовалось для убийства банкира Осорио, было идентичным тому, которое привело в действие бомбу в самолете ваших родителей, – сказал Ди Фабио. – Несмотря на то, что сохранились только крошечные фрагменты часового механизма, можно с уверенностью сказать, что их сконструировал один и тот же человек. Это и помогло мне установить его личность...

Ксения затаила дыхание. Ди Фабио в самом деле был великолепным сыщиком, если смог за такой короткий срок узнать имя убийцы ее родителей!

– Этот человек хорошо известен эльпараисской полиции, его имя – Франциско Тевец. По образованию он химик, некоторое время работал на фабрике по производству аммония, однако был уволен за кражи из раздевалок – обчищал своих же коллег, присваивая себе их деньги и вещи. Получил за это шесть лет тюрьмы, видимо, там его и наставили на «путь истинный» – во всяком случае, после того как тридцать пять лет назад он вышел из мест заключения, он нигде больше не работал, хотя жил весьма неплохо. Его специализация – изготовление разнообразных взрывных устройств. Сам он никогда не пускал их в ход, однако не чурался

брать деньги за их производство. Он является соучастником множества заказных убийств! И у меня нет никаких сомнений, что сеньор Тевец изготовил бомбы, одна из которых отправила на тот свет банкира Осорио, а другая лишила жизни ваших достопочтенных родителей... Кстати, можете полюбоваться на этого человека. Вот его фотография!

Он вручил Ксении несколько изображений Франциско Тевеца. Она с омерзением и странным любопытством посмотрела на человека, который был виноват в смерти мамы и отца. Костистый старикан с пронзительными глазами и лысым черепом. Столкнись с таким на улице, никогда и не скажешь, что это – продавец смерти. Больше всего Тевец походил на часовщика или аптекаря.

– Вы смогли выяснить у него, кто являлся заказчиком? – спросила Ксения. – Если он не хочет говорить, то предложите Тевецу любую сумму, чтобы у него развязался язык. Мне все равно, сколько потребует этот субъект, но я должна знать правду! И пусть не говорит, что забыл или не знает! Я уверена, что такие личности, как Тевец, всегда стараются обезопасить себя и предпочитают выяснить о клиенте много чего, прежде чем приступить к исполнению его заказа!

Детектив тяжело вздохнул:

– Не все так просто, сеньора Сан-Донато. Все дело в том, что если вы захотите навестить Франциско Тевеца, то вам придется отправиться на одно из кладбищ Эльпараисо. Он умер около двух лет назад от сердечного приступа.

Ксения пробормотала:

– Неужели это значит, что ниточка к убийце моих родителей обрывается? Вы же не затем вызвали меня к себе, сеньор Ди Фабио, чтобы сообщить столь печальное известие!

– Конечно же, не для этого, – успокоил ее Мануэль Ди Фабио и пошевелил седыми усами. – Мое кредо – никогда не опускать руки. Второе мое кредо – не жалеть денег. Тевец скончался, с этим ничего не поделаешь, единственная возможность побеседовать с ним – это устроить сеанс спиритизма. Но я доверяю обыденным способам. У сеньора Тевеца осталась безутешная молодая вдова, его третья супруга. И как мне удалось узнать, в распоряжении сеньоры Тевец оказались тетради с записями: многоуважаемый конструктор бомб на протяжении всех долгих лет, в течение которых он собирал взрывные устройства, фиксировал сведения о тех людях, которые обращались к нему с подобными просьбами. Делал он это скорее всего в качестве подстраховки: ведь кому-то могла прийти в голову идея лишить жизни производителя бомбы после того, как она была готова!

Ксения в нетерпении спросила:

– Это значит, что Тевец указал имя человека, который обратился к нему с просьбой сделать бомбу? Кто это?

– Не спешите, сеньора Сан-Донато. – Ди Фабио не любил, когда его торопят. – Мне пришлось потратить весьма значительную сумму из своего гонорара, чтобы убедить вдову позволить мне ознакомиться с записями семнадцатилетней давности. Но страсть к деньгам в итоге взяла верх. Вдова обнаружила семь больших тетрадей в сейфе после кончины супруга. Чтобы эти записи не смогли причинить вреда его клиентам, Тевец пользовался шифром и сокращениями, понятными только одному ему. Но то, что зашифровано одним человеком, может быть дешифровано другим, тем более что старик Тевец не отличался особой смекалкой в криптологии. Мне удалось напасть на одну занимательную запись в ноябре того года, когда самолет с вашими родителями потерпел крушение. Тевец записал, что некто заказал ему производство небольшого, но весьма мощного взрывного устройства. Судя по описанию, это бомба, которая унесла жизни сеньора и сеньоры Сан-Донато.

– Прошу вас, там имеется имя? – спросила Ксения.

Детектив вздохнул:

– Тевец не был настолько глуп, чтобы указывать фамилии своих клиентов. Ведь попади эти записи в руки полиции, тогда бы сотни людей оказались на скамье подсудимых, и все это вышло бы боком в первую очередь самому нашему химику! Но вот что удивительно: в его записях имеется ссылка на то, что взрывное устройство должно сработать в самолете. Это значит, что человек, закававший его, уже тогда знал: ваши родители погибнут во время авиакатастрофы!

У Ксении пробежали по спине мурашки. Тот, кто планировал смерть ее родителей, все рассчитал заранее!

– Нам сказочно повезло, сеньор Тевец предпочитал не иметь дела с наличностью, справедливо полагая, что если клиенты будут наведываться к нему с «дипломатами», полными купюр, то это привлечет внимание полиции. У него было открыто за границей несколько счетов на подставные фирмы и фальшивые имена – он сделал все, чтобы никто не мог уличить его в неуплате налогов или смертельном промысле. После каждой записи о визите клиента он указывал счет, на который ему переводились деньги. Так было и в тот раз. При помощи моих друзей в финансовых структурах мне удалось проследить, откуда на счет Тевца пришли пятьдесят тысяч долларов.

– Прошу вас, сеньор Ди Фабио, вы должны назвать мне фамилию человека, который виновен в гибели моих родителей! – едва не закричала Ксения.

– Фамилия вряд ли удивит вас, – ответил сыщик. – Деньги поступили со счета, принадлежащего корпорации Сан-Донато!

Ксения побледнела. Значит, она была права в своих подозрениях! Кто-то из любимых родственников организовал гибель ее родителей! И этот человек все еще не понес заслуженного наказания!

– И вам лучше знать, кто именно, – добавил Ди Фабио. Он протянул Ксении папку с бумагами. – У меня нет доступа к банку Сан-Донато, а именно из него был сделан перевод. Но вам как владелице этого кредитно-финансового заведения не составит труда установить личность отправителя! Мне только известно, что человек, который осуществил перевод, носит такую же, как и вы, фамилию – Сан-Донато! Счет, с которого осуществлен перевод, принадлежит не обычному клиенту этого частного банка, а привилегированному. Этот человек обладает особой «изумрудной» карточкой, а такие...

– Такие выдаются только людям по фамилии Сан-Донато, – прошелестела Ксения. – У них имеется неограниченный кредит...

Она поняла – ей требуется имя. Ее дорогие родичи, как и она сама, носят фамилию Сан-Донато. Но заказчик преступления оказался не так уж и умен! Детектив Ди Фабио сделал очень многое и выяснил все, за исключением имени! Но она наверстает упущенное!

– Благодарю вас, сеньор Ди Фабио, – произнесла тихо Ксения. – Вы проделали огромную работу за очень короткий срок. Остальным займусь я сама. Я тотчас отправлюсь в банк и подниму старые документы, чтобы узнать, кто же именно осуществил этот перевод!

– Не сомневаюсь, что вы так и поступите, сеньора, – с галантным поклоном ответил Ди Фабио. – Но я не думаю, что дело это завершено! У меня есть еще несколько многообещающих улик, вы ведь не имеете ничего против, если я доведу до конца кое-какие мои изыскания?

– Делайте все, что считаете нужным, – ответила Ксения. – И не жалейте денег, сеньор Ди Фабио! Я хочу знать истину!

Частный сыщик, подумав, заметил:

– И вы ее узнаете, сеньора Сан-Донато. Но, прошу вас, будьте осторожны. Я стану держать вас в курсе расследования. Думаю, через пару дней вам снова придется навестить меня. А что касается расходов – не извольте беспокоиться! Я пришлю вам счет после завершения расследования!

Ксения покинула бюро Мануэля Ди Фабио и незамеченной вернулась в офис. По дороге она проскочила на красный свет и свернула не на том повороте, потому что думала об одном – убийца где-то рядом! Она была права, когда бросила в лицо дорогим родственникам это чудовищное обвинение. Каждый из них получил по пять процентов акций корпорации после признания ее родителей погибшими, а это – многие десятки миллионов. Но кто до того перевел деньги на счет Франциско Тевеца и оплатил изготовление бомбы?

Дядя Николас? Он – прагматичный и бездушный человек. Его супруга тетя Ингрид? Она происходит из бедного аристократического шведского рода, и деньги всегда были ее страстью. Но еще большая страсть тети Ингрид – сделать своего единственного сыночка Рудольфа главой всей изумрудной империи. Они могли спланировать убийство поодиночке или сообща.

Тетя Агата? Маловероятно, хотя в тихом омуте... Тетка могла вести тонкую игру, желая обогатить не столько себя, сколько свою дочку Эрику. Дядя Лукас? Он вечно нуждается в деньгах, у него долгов на несусветную сумму, несколько раз он лечился в клиниках от алкоголизма и наркотической зависимости, так что страстно мечтает об одном: получить свой законный куш.

Тетя Сильвия? Тетка нравилась Ксении, но личная симпатия – это не аргумент, чтобы исключать ее из числа подозреваемых. Тетя – известный нейрохирург, дела корпорации никогда особенно не занимали ее, но кто знает, каковы ее истинные намерения...

Оставив «Мерседес» в подземном гараже, Ксения поднялась на скоростном лифте к себе в офис. Стрелки часов показывали десять минут пятого. Она просила секретаршу не беспокоить ее до четырех. Ксения быстро переоделась, смыла в ванной комнате яркую косметику, и, когда подошла к письменному столу, раздался звонок внутреннего телефона.

– Сеньора Сан-Донато, – произнесла секретарша, – к вам начальник финансовой службы...

Два часа спустя рабочий день завершился. Ксения набрала номер директора банка Сан-Донато и попросила его об одолжении. Тот немедленно изъявил готовность задержаться на полчаса на рабочем месте.

– Я заеду к вам, сеньор Бернарди, – сказала Ксения.

Директор банка Сан-Донато был кристально честным и исполнительным чинушей, безраздельно преданным семейству. Он поможет ей установить, кто именно перевел сумму на счет Тевеца.

И что она сделает, когда узнает имя? Обратится в полицию? Пресса так и накинется на этот скандал – еще бы, найден организатор убийства Максимилиана и Веры Сан-Донато! Или она предпочтет покарать человека, лишившего ее родителей, без привлечения правосудия?

Ксения не знала. Ей требовалось имя, а потом она посмотрит. Кроме того, Ди Фабио обещал, что в ближайшие дни предоставит ей новые улики. И только после того, как в ее руках будут неопровержимые доказательства того, что один из ее родственников причастен к этому злодеянию, она решит, что делать.

Лимузин доставил ее к банку Сан-Донато, расположенному на берегу океана. Импозантное здание в неоготическом стиле, выстроенное в конце девятнадцатого века, служило резиденцией финансовой империи их семейства.

Директор банка Бернарди лично встречал ее. Невысокий господин в черном костюме с редкими медно-рыжими волосами и очками в стальной оправе галантно поцеловал ей руку и произнес:

– Чрезвычайно рад видеть вас, сеньора Сан-Донато!

Они зашли в пустынное здание – служащие разошлись по домам. Когда они оказались в кабинете директора, он спросил:

– Сеньора, как я понимаю, речь идет о деликатном поручении?

– Вы правы, сеньор Бернарди, – подтвердила Ксения.

Директор банка тонко улыбнулся – если кому-то из Сан-Донато требовалось получить большую сумму или совершить сделку, о которой никто не должен знать, они обращались лично к нему.

– Я рассчитываю на то, сеньор Бернарди, что никто не узнает о содержании нашего сегодняшнего разговора, – продолжила Ксения.

Тот молитвенно сложил руки и воскликнул:

– Сеньора, вы знаете меня пятнадцать лет! Никто и никогда не узнает о том, что служило темой нашей беседы. Итак...

Ксения произнесла, вынимая из кейса папку с бумагами, которые ей отдал Мануэль Ди Фабио:

– Мне нужно как можно быстрее узнать, кто именно перевел пятьдесят тысяч долларов с этого счета семнадцать лет назад!

Директор банка раскрыл папку, внимательно изучил содержимое. Он уже привык к тому, что клиентам с фамилией Сан-Донато никогда не следует задавать нетактичных вопросов. Если молодой сеньоре Сан-Донато, которая вскоре станет хозяйкой огромной империи, в том числе и банка, нужно узнать кое-что о переводе, имевшем место много лет назад, то он выполнит ее просьбу.

Сеньор Бернарди уселся за стол и придвинул к себе ноутбук. Несколько минут он щелкал клавиатурой и наконец сказал:

– Странно, но в базе данных банка никакой информации об этом переводе нет. Подобное возможно в двух случаях, сеньора: или кто-то стер эти данные, во что я поверить не могу, или сведения об этой сделке хранятся в архиве и по какой-то причине не были занесены в электронную базу данных!

– Вы сможете узнать, имеется ли в архиве банка упоминание об этом переводе? – спросила Ксения. – Причем немедленно, сеньор Бернарди!

Тот, улыбаясь, ответил:

– Ну конечно же, сеньора Сан-Донато! Для меня как директора банка нет ничего невозможного! Прошу вас, следуйте за мной!

Он поднялся из-за стола, они вышли из кабинета и спустились на первый этаж. Бернарди подошел к одной из дверей, набрал длинный код и приложил к сканеру большой палец. Секундой позже раздался тихий щелчок – дверь открылась.

– Только после вас, – предлагая Ксении пройти первой, сказал он.

Ксения впервые оказалась в подземелье банка. Они миновали длинный коридор, который освещали яркие лампы, и подошли к решетке. Бернарди отомкнул ее при помощи ключа из связки, которая лежала у него в кармане.

– Совмещаем новейшие средства защиты с давно проверенными, – пояснил он.

Тем временем они оказались перед шахтой лифта. Директор снова набрал код на особой панели, двери бесшумно распахнулись. Ксения заметила несколько кнопок, на которых не было цифр, а различались они только цветом: красная, оранжевая, синяя, зеленая, белая и черная.

– Тот, кто ненароком попадет в кабину этого лифта, что само по себе уже невероятно, не сможет отправиться в подземное хранилище, если не знает, какую кнопку надо нажать, – заметил директор банка. – Скажите, сеньора, что бы выбрали вы?

– Зеленая? Или оранжевая? Нет, скорее всего белая! – предположила она.

Директор покачал головой и усмехнулся:

– Если вы нажмете только одну кнопку, все равно какого цвета, то лифт будет заблокирован. Чтобы вы устремились в хранилище, нужно знать особую комбинацию кнопок, которая меняется каждый день. Если не ошибаюсь, сегодня она такая...

Бернарди поочередно нажал два раза черную кнопку, один раз синюю, оранжевую и три раза красную. Затем он на мгновение задумался, пошевелил губами и произнес:

– Кажется, нужна еще одна... Белая?

Его палец уперся в белую кнопку, двери захлопнулись, и лифт пришел в движение.

– Вообще-то именно я каждое утро сообщаю пяти сотрудникам, которые имеют доступ в хранилище, новую комбинацию, но в отличие от них я редко спускаюсь вниз. Признаюсь, сеньора, как-то я нажал вместо зеленой кнопки синюю, и мне пришлось провести в заблокированном лифте около трех часов, кроме того, к нам понаехали полицейские!

Лифт замер, двери открылись: Ксения не видела никаких отличий между коридором на первом этаже и под землей. Они несколько раз свернули (Ксения обратила внимание на камеры, которые отслеживали каждый их шаг) и замерли перед огромной круглой стальной дверью.

– Вот он, вход в сокровищницу, – шутливо заметил сеньор Бернарди. – Но нам туда не требуется. Архив располагается здесь!

Он указал на противоположную дверь. Открыв ее при помощи кода, они попали в просторное помещение, в котором тихо гудели кондиционеры. Огромные стеллажи тянулись вдоль стен. На них покоились папки и картонные коробки.

– Это мозг вашего банка, сеньора, – сказал с гордостью директор. – Любой документ рано или поздно оказывается здесь. Сначала он сканируется и отправляется в электронную базу данных, но, как мы с вами убедились, там можно найти не все сведения! Ну что же, вам придется набраться терпения! – Директор прошел мимо стеллажей, бормоча: – Так, так, нам нужны документы семнадцатилетней давности... Это должно быть здесь!

Бернарди потребовалось пятнадцать минут, чтобы сориентироваться в лабиринте из стеллажей. Наконец они обнаружили требуемый год. Директор принес складную лестницу, резво вскарабкался по ней под самый потолок, вытащил толстенную папку.

– Нет, нам нужен ноябрь... – комментировал он. – Ага, должно быть здесь! Так и есть!

В его руках оказалась большая папка серого цвета. Сдув с нее пыль, Бернарди спустился по лестнице к ожидавшей его в большом нетерпении Ксении. Зашуршали страницы, директор послушав палец, переворачивая желтые листы.

– Вот оно! – провозгласил он с торжеством в голосе. – Я же знал, сеньора Сан-Дonato, что сведения об этом переводе не могли исчезнуть! Вы хотите знать, кто именно осуществил перевод пятидесяти тысяч долларов. Ага, вот и имя!

Бернарди в волнении поправил очки, Ксения склонилась над выцветшими страницами. Буквы запрыгали у нее перед глазами. Она видела фамилию – «Сан-Дonato», но кто именно из их клана? Дядя Николас, тетя Ингрид, тетя Агата, дядя Лукас или тетя Сильвия?

– Перевод пятидесяти тысяч долларов на счет некоей фармацевтической фирмы в Венесуэле был осуществлен вами, сеньора, – с легким изумлением проговорил директор банка. Он в непонимании уставился на Ксению, словно желая сказать: «Но если это сделала ты, то для чего терзала меня расспросами?»

Ксения не могла поверить своим глазам – черным по белому было написано, что пятьдесят тысяч долларов сняты с ее счета. Но ей тогда не было и восьми лет!

– Чтобы подобный перевод мог осуществиться, требовалось разрешение ваших родителей, – сказал Бернарди. – Он перевернул страницу и воскликнул: – Так и есть, сеньора! Вот оно, разрешение, подписанное вашим отцом, Максимилианом Сан-Дonato, и матушкой, Верой Сан-Дonato.

Ксения с ужасом взглянула на старый документ. Но как такое может быть? Неужели родители сами организовали собственную смерть? Это совершеннейшая бессмыслица!

– Я точно помню, что никогда не переводила деньги куда-то в Венесуэлу, – произнесла Ксения.

Сеньор Бернарди успокоил ее:

– Такое бывает, если кто-то не хочет пользоваться собственным счетом. Замечает следы...

Ксения пригляделась к подписям родителей. Она много раз видела их под различными документами.

– Мне кажется, сеньор Бернарди, что обе подписи поддельные, – произнесла она неуверенно.

Тот всполошился и воскликнул:

– Поддельные подписи, сеньора? Как такое может быть?! Наши эксперты проверяют подлинность подписей при помощи компьютера...

– Семнадцать лет назад все было по-другому, – сказала Ксения.

– Да, да, вы правы, – произнес с беспокойством директор банка. – Тогда подписи просматривали специалисты. Но как такое могло случиться! Я занял место директора пятнадцать лет назад после ухода на заслуженный отдых моего предшественника! Так что я не несу ответственности за то, что имело место до моего назначения на этот пост.

Ксения успокоила его:

– Сеньор директор, я знаю, что вы не несете за это ответственности! Но скажите, как вы думаете, особое внимание специалисты по сличению подписей уделяли наверняка документам прочих клиентов, а вот когда они видели перед собой подпись кого-то из Сан-Донато, то, могу предположить, автоматически откладывали документ в сторону – им просто не могло прийти в голову, что кто-то подделает подписи моих родителей.

– Я не особо разбираюсь в подобных процедурах, моя специализация – международное банковское право! Но какой в этом смысл? – заверещал директора банка. – Обман все равно бы вскрылся, однако...

Он замолчал, а Ксения добавила:

– Однако несколько недель спустя мои родители пропали без вести, и никто так и не узнал, что их распоряжение перевести с моего счета пятьдесят тысяч долларов – фальшивка.

Ксения ощутила приступ легкого головокружения. Мало того, что организатор убийства ее родителей семнадцать лет жил в полном спокойствии и безнаказанности, он или она нагло подделали подпись отца и мамы и сняли деньги с ее собственного счета! Получается... Получается, что она оплатила убийство своих родителей!

– Сеньора, вам плохо? – всполошился Бернарди. – Банк немедленно компенсирует вам пятьдесят тысяч... Вам не стоит так беспокоиться по этому поводу! Мы немедленно проведем внутреннее расследование, выясним, кто виноват в том, что проглядел фальшивую подпись...

– Я прошу вас ничего не предпринимать до моего распоряжения, – сказала Ксения.

Директор банка быстро заморгал и спросил:

– Но сеньора Сан-Донато, отчего бы...

– Нет! – крикнула Ксения, и директор замолчал.

Он предпочитал не перечить хозяйке. Если она считает, что потеря пятидесяти тысяч для нее несущественна, то он умывает руки. Но репутация банка! Если станет известно, что руководство знало о подобном инциденте и ничего не предприняло, это может иметь катастрофические последствия! Клиенты не доверяют банкирам, которые покрывают воров и мошенников!

– Сеньор Бернарди, – добавила Ксения. – Расследование будет проведено в самое ближайшее время, уверяю вас! Но прошу вас хранить молчание о том, что мы узнали, хотя бы несколько дней! Это чрезвычайно важно! Если никто не подозревал о подделке подписей почти семнадцать лет, то неделя ничего не изменит.

– Как вам будет угодно, сеньора, – ответил с достоинством директора банка. Молодой Сан-Донато лучше знать, что она делает. В конце концов, это ее деньги. А с себя он снимает всяческую ответственность!

– Вот и хорошо, сеньор Бернарди, – сказала Ксения. – Я хочу забрать эти документы с собой.

– Вообще-то по правилам банка выносить их за пределы здания запрещено... – начал директор, но сник.

– Я ценю то, что вы заботитесь о соблюдении правил, сеньор Бернарди, и это лишний раз доказывает, что вы – великолепный директор банка, но правила устанавливаются советом директоров, председателем которого являюсь я, – произнесла Ксения.

Бернарди вздохнул. Он не собирается перечить молодой наследнице: пусть делает все, что хочет! Он не желает, чтобы его заменили кем-то новым!

– Вот и отлично, сеньор Бернарди, – сказала Ксения. – Я заберу с собой эту папку, обещаю, что она вернется в архив.

Ксения приняла решение – она отдаст документ на экспертизу графологу. Она не сомневалась в том, что подписи родителей поддельные, но ей требуется заключение экспертов. И возможно, на документах все еще сохранились отпечатки пальцев того человека, который и осуществил мошенничество. Если это так, то она должна сличить отпечатки, которые можно обнаружить на бумагах, с отпечатками всех ее родственников!

И горе тому или той, чьи папиллярные линии оставили следы на этом документе! Потому что они – прямое подтверждение связи между этим человеком, химиком-бомбистом Франциско Тевецом, и гибелью ее родителей.

Они покинули архив и поднялись наверх. Не удержавшись, Ксения, которая чувствовала, что еще немного, и она узнает имя того, кто убил отца и маму, поцеловала сеньора Бернарди в щеку. Ошеломленный директор банка залился старческим румянцем.

– Я очень вам благодарна, сеньор Бернарди! – воскликнула Ксения.

Проводив взглядом молодую хозяйку, которая прижала к груди папку со старыми документами, сеньор Бернарди закрыл входные двери, проверил на компьютере, чтобы все выходы были заблокированы, и, сцепив руки в замок, замер в вертящемся кресле.

Когда он сказал Ксении, что работает в качестве директора банка пятнадцать лет и не имеет ни малейшего отношения к тому, что кто-то подделал подписи ее родителей, он лукавил. Ксения слишком молода, чтобы помнить – в то время он занимал должность вице-директора банка и отвечал за международные транзакции.

Тот ноябрьский день семнадцать лет назад, когда один из экспертов-почерковедов влетел в его кабинет и положил на стол те самые бумаги, которые Ксения забрала с собой, навсегда врезался в память сеньора Бернарди. Тогдашний директор был в то время в заграничной командировке, и его обязанности исполнял Бернарди.

– Сеньор вице-директор, я уверен, что это – подделка! – задыхаясь, сказал эксперт. – Кто-то поставил фальшивые подписи сеньора и сеньоры Сан-Донато, чтобы снять пятьдесят тысяч долларов со счета их дочурки!

Бернарди похвалил эксперта и успокоил его:

– Вы молодец! Я немедленно оповещу об этом сеньора директора и сеньора Сан-Донато! Но вы понимаете, что упоминать об этом инциденте в своем отчете вам не следует? Все же замешано имя владельцев нашего банка...

Эксперт согласился с разумными доводами и с легкой душой покинул кабинет вице-директора. Но вместо того, чтобы оповестить Сан-Донато, Бернарди обратился к тому человеку, которому был обязан своей карьерой в банке. Этот человек также носил фамилию Сан-Донато.

Выслушав сбивчивый рассказ Бернарди, этот человек сказал:

– Хорошо, что ты позвонил. Ты ведь знаешь, что обязан всем мне, Бернарди?

– Да, – ответил тот, чувствуя, как сердце уходит в пятки. Ему не хотелось терять место вице-директора, тем более что сеньор Бернарди рассчитывал со временем занять кресло директора.

– Тогда делай так, как я скажу тебе: ты же отвечаешь за международный сектор, поэтому лично оформи перевод.

– Но... – попытался возразить Бернарди, однако собеседник грубо велел:

– Никак «но»! Мой брат Максимилиан ничего не должен знать! Если сделаешь это, я помогу тебе стать директором. А если нет...

Зловещая пауза свидетельствовала о том, что этот представитель семьи Сан-Донато покарает того, кто посмеет его послушаться.

– Не беспокойся, мой брат ни о чем не узнает, – проронил тогда собеседник. – И проследи, чтобы твой эксперт ничего лишнего не сболтнул! И уничтожь документы, ты меня понял?

Бернарди подчинился приказу и осуществил перевод. Он был слишком умным и не оставил никаких свидетельств, однако для собственной страховки сохранил бумаги с фальшивыми подписями. Он проследил за тем, чтобы они не попали в электронную базу данных, а отправил их в архив. Если его прижмут к стенке, то у него будут доказательства – он действовал не по собственному почину, а из желания угодить своему покровителю!

Его покровитель сдержал слово. Вскоре после этого сеньор и сеньора Сан-Донато бесследно пропали, и никто не сомневался, что их самолет потерпел крушение. А через полтора года Бернарди получил вожденный пост директора банка.

Все шло хорошо до того момента, пока не появилась Ксения Сан-Донато и не потребовала именно этот злосчастный перевод. Сеньор Бернарди с трудом переборол искушение сказать ей, что ничего не нашел в архиве.

Надо быть осторожным. Если потом выяснится, что он обманывал Ксению и утаил от нее документы, это навредит именно ему. Поэтому он отдал ей папку. Но теперь наставала пора действовать. Если девчонка поднимет шум, то покатится не только голова его покровителя, но и его собственная. Ксения пока еще не знает о его причастности ко всей афере с пятьюдесятью тысячами долларов, но ей не составит труда выяснить это...

Сеньор Бернарди поднял трубку телефона и набрал номер, который помнил наизусть. Он должен немедленно поставить в известность своего покровителя. Тот придумает что-то, дабы спасти себя и, соответственно, самого Бернарди.

Сеньор Бернарди отчего-то не сомневался, что гибель Максимилиана и Веры Сан-Донато каким-то непостижимым образом связана с переводом пятидесяти тысяч долларов в Венесуэлу.

– Резиденция сеньора и сеньоры Сан-Донато, – отозвался дворецкий.

– Милейший, это чрезвычайно важно, – хрипло произнес Бернарди, – я хочу как можно быстрее переговорить с сеньором Николасом Сан-Донато!

11 октября

Ксения взглянула на наручные часики: стрелки показывали половину девятого. Частный детектив Мануэль Ди Фабио прислал ей днем сообщение, что им нужно встретиться. В качестве места встречи он выбрал небольшой итальянский ресторанчик в деловой части Эльпараисо.

Ксения прибыла на встречу чуть раньше. Она, как и в прошлый раз, изменила внешность, чтобы не быть узнанной. Ее мучил один и тот же вопрос: что же удалось узнать Ди Фабио? Утром она получила заключение графолога – подписи ее родителей были подделаны. А на документах обнаружены отпечатки пальцев, однако у нее не было возможности сравнить их с отпечатками пальцев ее любимых родственников. Ксения чувствовала, что еще немного – и она выйдет на след заказчика преступления.

И что тогда? Она старалась не думать об этом. Тот человек, что организовал смерть ее родителей, должен ответить за совершенное. Кто бы он ни был! Ксения твердо решила, что привлечет ко всей истории полицию и прокуратуру. Это вызовет небывалый скандал, но она готова к этому. Выше ее сил смотреть в глаза тому или той, кто хладнокровно организовал крушение самолета, в котором находились ее мама и отец.

Ксения заказала себе черный кофе. Она нервничала. Ди Фабио никогда бы не стал тревожить ее, если бы не был уверен: им обязательно требуется встретиться. Ксения снова посмотрела на часики. Детектив опаздывал на десять минут. Это на него не похоже, насколько она знала, Мануэль Ди Фабио всегда придерживался твердого правила – клиент не должен ждать понапрасну!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.